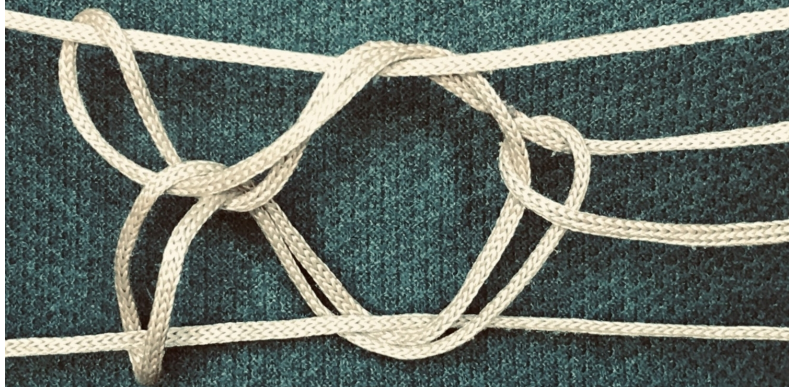

Верёвка

ЭТНОДЕТЕКТИВ

16+

Алексей Андреев

Алексей Андреев

Верёвка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48831060

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08248-9

Аннотация

Полная версия романа, опубликованного ранее в виде двух электронных книг. Выпускник биологического факультета МГУ находит удачное применение своим научным увлечениям, работая в рекламном агентстве. Однако знакомство с древней верёвочной игрой, известной как "кошачья колыбель", пробуждает в молодом человеке новые странные способности и интересы. И пусть для окружающих это выглядит как сумасшествие или мистический детектив – но, может быть, это лучший способ провести этнографическое исследование в современном мире, помешанном на цифровых технологиях.

Содержание

Книга первая	4
1. Осьминог	5
2. Двери	15
3. Чашка Петри	25
4. Рыбка Поньо	36
5. Птичий рынок	45
6. Калемаса Хины	65
7. Здоровоохранение	79
8. Коньки и лошадь	89
9. Нейронная сеть	104
10. Черепаха на дороге	120
11. Гадкий утёнок	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Алексей Андреев

Верёвка

Книга первая

«Верёвка, как и палка – один из древнейших инструментов.

Это наши первые друзья: палку люди изобрели, чтобы отталкивать плохое, а верёвку – чтобы притягивать хорошее.

Оба эти инструмента можно найти везде, где жил человек.

Даже сейчас они обитают в наших домах и вторгаются в нашу жизнь, как полноправные члены семьи.»

(Кобо Абэ)

1. Осьминог

День не спешил начинаться. За окном в сумерках медленно падал крупный снег, словно утренний свет разорвали на клочки и только в таком виде допустили на землю. Егор прикрыл глаза, и снежная занавеска превратилась в планктон, тысячи мелких светящихся созданий в тёмной толще воды перед стеклом маски.

Наверное, потому он и выбрал для завтрака эту прозрачную кафешку в «Музее». Если смотреть вот так, сквозь щели опущенных век, набережная похожа на утренний пляж, по которому бродят на отливе собиратели ракушек или ловцы крабов. Убрать бы ещё все здания с той стороны реки...

– Не выспался?

– Да как-то так. А ты вроде бодрячком?

Ольга уже доела свой салат. Кажется, её реакция на возвращение совершенно противоположна – не терпится выйти на работу. В отпуске ей явно не хватало городских радостей. Что поделаешь, «коренная москвичка».

Полететь в Гонолулу они решили после просмотра какой-то дурацкой комедии. Болтали в постели о том, откуда этот классический штамп у америкосов – если ханимун, обязательно Гавайи. Перешли к шуткам про свой воображаемый

ханимун, и когда его вообще отмечать, если свадьбы как таковой устраивать неохота, но совместная жизнь вроде как уже идёт, и почему бы не... Так, слово за слово, и оказались в отпуске на Гавайях.

Но движухи вышло меньше, чем в кино. К тому же Егор старался выбирать более дикие и безлюдные пляжи, где можно понырять в чистой воде – а Ольгу, наоборот, тянуло на рынки, вечеринки, или хотя бы туда, где можно сделать красивые фотки. Странный получился ханимун, в общем.

– Слушай, я побегу. Тебе ведь не терпится своим романом заняться?

– Да не то чтобы... – Он постучал пальцами по закрытому ноутбуку. – Но посижу ещё, да. Может и набросаю пару километов.

Она встала, сняла с вешалки чёрное пальто и красный шарф. Улыбнулась, почти натурально. Хотела уже отойти, но снова повернулась к столу.

– Ты, кстати, сегодня кофе пьёшь левой рукой. А мне казалось, что поговорка «встал не с той ноги» касается только нижних конечностей. Или может, ты левша переученный?

Он посмотрел на руку, в которой держал чашку.

– Да тут на столе места нет, вот и поставил с этой стороны... Ты меня просто троллишь на прощанье?

– Ага. – Теперь она улыбнулась по-настоящему, и потянувшись через стол, поцеловала его в висок. – Выныривай, офисный планктон.

Он помахал ей рукой и открыл ноут. А когда она вышла, закрыл обратно.

Хотя вид на набережную приятный, и народу нет. Сиди да пиши. Но что-то не то. Может, музыка. Раньше ему нравилась Лана Дель Рей, и её сомнамбулический голос вполне подходит к этим сумеркам, но... Громковато. Вырубить бы Лану совсем, а на крышу поставить микрофоны, чтоб стало слышно, как снежинки падают.

Да и какой там «роман»? Фальшивая словесная бирка, такой же домашний прикол, как «ханимум». Любимая ольгина игра-комедия, короткие скетчи про чужую пафосную жизнь: «не буду сегодня надевать бриллианты», «заперся в своём фамильном замке»... Идея романа зародилась на вечеринке её друзей-киношников. Они отмечали выход очередного шедевра, а Егору фильм не понравился, и хотя он обещал Ольге не выпендриваться и не рассказывать про гусей, но выпил лишнего – и подколол режиссера. Мол, гонки на гелендвагенах – это конечно красиво, но «so last century», простите мой китайский! Сейчас деньги улетают на другой конец света после нажатия кнопки на мобиле, школьники смотрят с квадрокоптера в спальню президента, роботы крадут сердца домохозяек, и ещё куча дивных новых преступлений вокруг. А у вас, извините, стремительный домкрат.

Режиссер мягко, как айкидошник, развернул наезд Егора против него самого. Всё так, снимаем баяны, хороших сценариев нет. Вот ты и напиши. Слабо? Егор отшутился: конеч-

но, слабо, пока один абзац проходного бизнес-плана в агентстве приносит мне больше, чем целый роман, над которым знакомый писатель целый год корпел.

Но идея зацепила, и постепенно он стал набрасывать какие-то кусочки о работе воображаемого «цифрового участкового», простоватого опера старой закалки, которого назначили на эту мутную должность, чтобы побыстрее спихнуть на пенсию. Однако старый мент случайно находит поддержку в лице молодого хакера и бойкой девицы-рекламщицы. И эта великолепная тройка начинает раскрывать одно дело за другим.

А дела с каждым разом всё шизовее. Ловкая подмена GPS-сигнала расстраивает свадьбу известного автогонщика. Пиратские трансляции популярных рок-концертов организует главный борец за копирайт. Новый телеком-оператор устраивает чёрный пиар другому телекому с помощью заражённых сим-карт. Подаренный мобильник убивает хозяйку наркотиком, который испаряется при нагревании батареи. Выстрелы лучшего игрока в модной компьютерной игре странным образом связаны с поведением трейдинговых ботов на бирже. Деструктивная секта использует популярный сервис онлайн-олимпиад для отслеживания детей с особыми способностями. Самая загадочная кибератака на крупный банк оказывается бродячей собакой, которая свалилась в люк и перегрызла кабель. Современно, небанально, с юмором.

Увы, как раз перед отпуском они с Ольгой посмотрели британский сериал, где «великолепная тройка» была почти такая же, да и преступления похожие. Но со стороны вся эта детективная байда выглядела слишком схематично и скучно. Наверное, жанр детектива придумали аутисты, пока у них не было 1С и С++. Егор решил, что его личный порыв в литературное творчество – из той же оперы: отражает лишь недостаток интеллектуальной работы после университета.

Он не говорил об этом Ольге, но в отпуске вообще забросил свой детектив. Море – отличное средство от литературной болезни. После пары часов, проведённых в безмолвном мире кораллов, сочинение романов кажется полным бредом. Разве что записать в блокнот какое-нибудь простое и красивое наблюдение, пока греешься на камнях после долгого заплыва.

Так он и делал, купив в середине отпуска тонкий бежевый молескин и чернильную ручку. И сейчас открыл этот блокнот с гораздо большим удовольствием, чем ноутбук.

«Маленькая мидия лежит в прибое, волны гоняют её туда-сюда по песку. Когда очередная волна скатывается, но ещё не ушла совсем и песок жидкий, из ракушки вдруг появляется жёлтая нога. Нога начинает быстро вращаться, от этого мидия встает на ребро и вертикально врезается в песок. Следующая волна уже не двигает её, а только накрывает песком».

«Осьминог сидит на дне, разложив щупальца вокруг себя кольцами, словно большой ржавый замок с несколькими дужками. При моём приближении он приклеивается сбоку к камню и меняет цвет под этот камень – становится светло-песочным. Поднимаю камень, но не тут-то было: осьминог стекает в нору, обложенную по краям камешками поменьше; кажется, это его дом».

«Чёрных морских ежей сегодня меньше. Зато встретились зелёные и розовые, с короткими и мягкими иголками. Они похожи на мохнатые патиссоны, и неожиданно быстро двигаются на своих ножках-иглах. Мы посадили одного в ведро и смотрели, как он ходит по вертикальным стенам, высовывает иголки из воды и шевелит ими, проверяя, можно ли перебраться через край ведра. Эти ежи, в отличие от чёрных, довольно хитрые охотники. Когда видишь первого, кажется, что на нём случайно налип мусор: какая-то ракушка, ветка и кусок крабовой клешни. Потом обнаружилось, что они все прилепляют себе на макушку по два-три мелких предмета. Маскируются».

Наверное, из таких молескиновых заметок не делают книг. Хотя, почему нет? Очень удобная книга получилась бы: небольшая, легко помещается в карман. И читать её можно с любого места, в любом порядке, потому что в ней нет сюжета и морали, никакой проторенной дороги – лишь сеть едва заметных тропинок, тонких ассоциативных связей, пе-

реводящих читателя от одного фрагмента к другому, как в японской ренге или в люсидном сне. Где-то здесь была такая история... Он полистал блокнот дальше. Ага, вот.

«Все уезжающие с острова оставляют что-нибудь тем, кто остаётся. Питерские ребята оставили англичанину большого воздушного змея, а наши соседи-голландцы подарили нам надувной матрас. После нашего отъезда и змей, и матрас тоже останутся здесь, переходя к новым владельцам. К ним добавятся и другие вещи – мячи, гамаки, летающие тарелки, прочитанные книжки. Сколько ещё таких переходящих вещей кочует по острову? Оседают они у тех, кто остаётся дольше других; эдакие хранители курортного духа и его ритуалов, главный из которых – медленное время – отлично выражается в переходящих вещах: быстрые люди меняются, а воздушный змей, гамак и хорошая книжка остаются теми же».

В слове «переходящих» первая буква «е» пропущена при быстром письме, а затем воткнута сверху более жирным завитком – он сделал это исправление, когда перечитывал дневник в самолёте. И размышлял потом, какие вещи можно назвать не «переходящими», а «преходящими». Наверное, те, у которых более печальная судьба. Те, что отбирают в аэропортах. Сам он таким образом лишился отличного ножа, оказавшегося в ручной клади. В другой раз забрали ко-

ньяк. А в последнем отпуске перед вылетом даже вызвали по громкой связи на весь аэропорт – в багаже завалялась парочка бенгальских свечей с Нового года.

Из отобранных вещей они устраивают настоящие выставки: большие стеклянные кубы, наполненные ножами и ножницами, подсвеченные витрины с банками и аэрозолями стоят посреди аэропортов, как эдакие алтари. Сразу ясно, что многие преходящие вещи по сути близки к переходящим: курортный дух острова не хочет отпускать свои ритуальные предметы, которые нужно было оставить там, раздать точно так же, как раздали надувные матрасы и мячи. В самом деле, зачем тебе в Москве охотничий нож? Разве с помощью него можно читать «Фейсбук»?

Пожалуй, историю про отобранные вещи тоже стоит записать. Егор вынул ручку, толкнул локтем так и не убранный тарелку от сырников – и вспомнил слова Ольги про левшу. Переложил ручку в левую, написал дату. Получилось на удивление легко, хотя и криво. Но теперь и писать расхотелось: он перевернул страницу и стал рисовать на чистом развороте осьминога.

Зазвонил телефон. Вот и труба зовёт. Видимо, Паша уже в офисе. Но нет, номер другой.

– Да, мам, привет.

– Привет-привет! Вы прилетели? А чего не позвонили? Мы волнуемся... Сегодня передавали в новостях, самолет упал в Индии.

– Мам, мы были на Гавайях. Прилетели ночью, я не стал звонить.

– Вы там хоть ели нормально? Я видела у Ольги фотки в «Инстаграме». Худая, как швабра. И чего она выставляется там в бикини на всеобщее обозрение? Будто кавалеров ей не хватает...

– Да-да, она по тебе тоже соскучилась и передаёт привет. Кстати, я случайно не был в детстве левшой? Говорят, некоторых детей переучивают, а это вредно.

– Никто тебя не переучивал! Где хоть ты взял такую глупость?

– Да так просто, передачу научную смотрел. А какой рукой я в школе писал?

– Откуда ж я помню? Сейчас схожу у отца спрошу.

– погоди, давай я лучше пере...

Но она уже не слышит. Даже трубку с собой не взяла. Она живёт в своём медленном времени, где ещё сильна привычка к стационарным телефонам, где никто не говорит скороговорками, не предлагает перейти в почту или чат, не выбирает каждый месяц новый тариф. Три минуты Егор слушает шорохи в трубке. Словно опять плывёт под водой с маской.

– Отец говорит, ты писал любой рукой. И вообще всякие штуки руками выделывал, когда маленький был. Яблоки огромные крутил на пальцах. Я ничего такого не помню.

– А до какого возраста я писал любой рукой?

– Не знаю. Он сказал, что в первом классе, когда тебя вы-

звали к доске первый раз, ты стал писать левой. Учительница спросила – ты левша? А ты сказал – нет, мне всё равно какой рукой писать. И стал писать правой. Видимо, с тех пор. Но никто тебя специально не переучивал!

– Понял, спасибо. Передавай ему привет.

– Вы хоть на майские приезжайте. Швабру свою тоже с собой бери, накормим её.

– Может быть. Не знаю пока. Ладно, мам, мне на работу.

– Да уж конечно, и позвонить некогда... Беги-беги, пока.

2. Двери

Прежде чем идти на рабочее место, он собирался заглянуть к Паше. Но пройдя половину опенспейса, притормозил. Сквозь стеклянную стенку кабинета было видно, что гендиректор занят: рядом стоит ассистентка Вера, показывает какие-то бумаги.

Интересно, кто придумал, чтобы у всех перегородки непрозрачные, а у начальника – стекло? В этом конечно есть свой бонус: кабинет Паши отгорожен полностью, а у остальных стеночка только полтора метра над землёй. Сотрудников в спейсе слышно, но почти не видно, если сидят. А начальника видно, но не слышно – и никто не узнает, какие там деловые разговоры он ведёт.

Однако, стоя напротив прозрачного кабинета, можно узнать многое даже без звука. Позы, жесты... Наверное, это отпуск среди иностранцев обострил восприятие невербального. Видно, что Паша с Верой спорят. Причём Вера спокойна, а Паша морщится и сомневается. И если не знать, кто из них начальник, а кто скромная студентка, взятая на работу даже без резюме, то можно было бы решить...

Паша увидал его и приветственно взмахнул обеими руками. Значительно активнее, чем предполагала их деловая дружба. Ну ясно – рад любому поводу, чтобы отложить эти

самые бумажки. Можно входить.

– О, кто к нам вернулся с того света! Смотри, Вер, совсем другой человек!

Гендиректор шагнул к Егору через кабинет, протягивая пятерню. Стильно одетый, в приталенном пиджачке и узких джинсах, он и двигался по-особому стройно: спина прямая, подбородок вперед... Эдакий Леголас из Леголэнда. Егор подумал, что до сих пор не знает пашиного бэкграунда на эту тему. Балетная школа? Или папа-военный?

Тут возникла заминка. Егор опустил глаза: его левая рука протянута навстречу Паше вместо правой. А в правой зажат пропуск, с которым он вошёл в здание. Паша поглядел на пропуск и захохотал:

– Ага, я тоже с нашего турникета балдею! Когдаходишь, надо правой приложить, а выходишь – левой. Один раз бежал на встречу, чуть ноги не сломал об эту железяку, когда она не открылась – не той рукой приложил на автомате...

Опять повисла пауза. Егор вздрогнул, переложил пропуск в левую руку и быстро сунул в карман. Протянул Паше правую.

– А в Барселоне, представляешь, вообще все турникеты в метро левые! – Паша пожал его руку, внимательно заглядывая в глаза. – Там надо левой держать карточку, а проходить справа. Тоже не сразу переключишься после нашего метро. Помнишь, Вер?

– Да, – подтвердила Вера. – Но так даже удобнее. В пра-

вой я сумочку несую, в левой карточку. А чего ты не загорел совсем?

Теперь и она глядела на молчаливого Егора как-то озабоченно. Он тряхнул головой. Да блин, говори уже хоть что-нибудь.

– Э-э... Я по ходу разучился языком шевелить... Там на островах такое всё медленное...

Он широко открыл рот и изобразил руками волны. Паша снова хохотнул, и Егор наконец почувствовал, что поймал волну беспечного офисного трёпа. Вроде пляжного волейбола: к тебе летит мячик, ты должен отбить красиво, то есть в неожиданном направлении, но всё же в рамках заданного поля.

– И ещё там здороваются иначе.

– Покажешь? – Вера подняла бровь.

– Нужна цветочная гирлянда. А без гирлянды... вот так примерно.

Он шагнул к ней, придурковато воскликнул «Алоха!» и быстро клюнул её губами в щёку. У Паши на миг сделалось такое лицо, словно он пропустил мяч.

– Как во Франции, только один раз? Неплохо. Но в офисе я бы практиковать не стал. – Он оглянулся на свою стеклянную дверь. – Сейчас девочки такие замороченные. Пришьют харасмент.

– А по-моему, наоборот. – Вера как бы невзначай коснулась Паши локтем. – Хотя не знаю, стоит ли такое говорить...

– Да выкладывай, тут все свои.

– Ну... Вы подумайте, что чувствует девушка, когда вы вокруг неё здороваетесь? Тянете руки друг к дружке, стараетесь никого не упустить – кроме неё. Если оказываешься с шестью парнями, которые только что встретились, приходится целую минуту ждать, пока вы все друг друга потискаете. А девушку никто не замечает. Это тоже вроде как... харасмент.

– Сдаюсь. – Паша поднял руки вверх. – В своё оправдание скажу, что и мужики от этого не всегда в восторге. Наш сидмин Жора, например, любит так пожать, чтоб хрустнуло.

– И ещё, когда много незнакомых, – поддержал Егор. – Помнишь, в старом офисе все свои были? А тут куча разных компаний на одной мануфактуре. С ними тоже знакомишься постепенно... и начинается перебор. Идёт тебе навстречу десяток мужиков по коридору, а ты лихорадочно соображаешь: этот наш, этот вроде тоже знакомый, а вот этому давать руку или нет? Может, это случайный гей из «Ламоды». Или ещё хуже, редактор из «Афиши».

– Короче, повелеваю с завтрашнего дня ввести всеобщее целование вместо рукопожатий. – Паша слегка приобнял Веру. – Можем начать тренироваться.

– Договоры подпиши сначала.

– Ох, да... Сейчас. Горыныч, ну ты в норме после самолётов?

– Почти. Но чтоб ты знал, Пабло, как мне было плохо, я

тебе тоже захватил... – Егор выставил из рюкзака на стол чёрную бутылку.

– Вот это класс! Только попозже. Слушай, ты сегодня адаптируйся к родине, а завтра будет важная встреча с чуваком из «Бьюти-Мамы». Погляди в почте нашу презу, и про клиента поищи... Ну ты понял. Кстати, а правда, почему не загорел-то?

– Потому что у меня глаза серые. Вероятность рака кожи в два раза больше, чем у тебя.

– Во! Ты слышала, Вера? Настоящего учёного никакие Гавайи не собьют с настоящих фобий!

– А я не поняла, при чём тут глаза... Мне загорелые люди кажутся здоровее. Ну чего вы ржёте, объяснили бы лучше!

– Как раз для этого у нас в агентстве есть собственный научный консультант. Горыныч, продавай!

– Здоровее будет чувствовать себя любой, кто провёл отпуск на море. – Егор непроизвольно развернул плечи. – Чистый воздух, плавание, много фруктов... Но всего этого ты не можешь показать другим людям по возвращении. Загар – не самое полезное следствие, зато самое заметное в наших бледнолицых краях. Поэтому загар и превратился в статусный символ хорошего отдыха. Типичный случай, когда корреляцию путают с причинной связью и устраивают карго-культ вокруг наглядного, но бесполезного и даже вредного явления...

– Всё-всё, мой гуманитарный мозг уже дымится! – Вера

закрыла руками уши. – Паш, давай с договорами закончим.

###

Пароль к рабочему компу вылетел из головы начисто, и после пятого раза Егор оставил попытки подобрать его – вспомнились слова Жоры о том, что если часто долбить, система может вообще заблокироваться. Проверять эту страшилку не хотелось. Хотя забытый пароль в виде хаотичного набора цифр и букв исходил от того же сисадмина, и было бы логично, если бы две жорины технологии безопасности наконец столкнулись лбами. Но остатки отпускного спокойствия ещё сдерживали офисную горячку, и вместо борьбы с окошком логина Егор стал не спеша наводить порядок.

Он выкинул два контейнера ненужных распечаток, сломанный степлер, несколько пластиковых стаканов из-под кофе – и тогда офисный бог чистоты вознаградил его ценной находкой в виде жёлтого стикера с той самой последовательностью букв и цифр. Про опасность вывешивания паролей на видном месте Жора тоже предупреждал, но это уже слишком. Все знают, что самые важные вещи надо писать на ярких стикерах.

Бумажка порадовала Егора не только тем, что позволила наконец залогиниться. Разглядывая жёлтый стикер, он вспомнил, как в детстве играл сам с собой в «секретные послания»: сочинял записку с шифром или с картой сокровищ,

засовывал в прозрачный цилиндр от шариковой ручки и закапывал осенью во дворе дома, под какой-нибудь особой приметой вроде газовой трубы. А весной, когда сходили снеговые горы, выкапывал это послание... и оно действительно читалось как письмо другого человека.

Ну вот, а теперь и трёх недель хватает, чтобы испытать такое же детское чувство с позабытым паролем на стикере. «Мы могли бы служить в разведке», ага.

Непрочитанных писем накопилось штук пятьдесят, но в основном они не касались Егора – его просто ставили в копию переписки по разным проектам. За два часа почтовый ящик был расчищен, «на потом» осталось лишь четыре сообщения, которые требовали более внимательного просмотра вложенных документов.

Пожалуй, хватит адаптации на сегодня. Он воткнул смартфон в USB и запустил скачивание отпускных фоток на комп. Облачных сервисов он не любил, но украденная однажды мобила научила его регулярной архивации телефонного добра на запасные носители. Что ни говори, а собственные ошибки учат безопасности лучше, чем паранойя сисадмина.

Ещё через час дала о себе знать спина, отвыкшая от офисного высиживания. Но только лишь он собрался выскользнуть на обед, как рядом нарисовалась Света, тихая SMM-щица, сочиняющая как бы интересные посты для клиентских групп в соцсетях.

– Привет! Не отвлекаю? Паша сказал к тебе подойти. У

меня анонс какой-то неудачный вышел сегодня. Всего девять лайков и ни одного коммента. Посмотришь?

– Э-э... Знаешь, я только вчера прилетел, надо кучу писем разгрести... – Он покосился на экран, но открытая там фотка с пальмами не подтверждала образ тяжелой работы. – Хотя, если у тебя текст небольшой, давай посмотрим. Какой проект?

Света назвала адрес.

– У меня с утра голова болела, может поэтому и пост фиговый...

Егор оторвался от экрана, где ещё не загрузилась нужная страница, и поглядел в окно. От утренней снежной пелены не осталось и следа. Небо совершенно чистое, солнце палит. Но зато теперь ветер сильный, по деревьям видно.

– У тебя всегда голова болит, когда погода меняется?

– Да, наверно. – Света коснулась пальцем правого виска. – Вот здесь. Перед дождём обычно. Или наоборот, когда вдруг жарко становится.

– А знаешь, чем наши юзеры отличаются от рыб?

– Н...нет.

– И правильно. Ничем. При резкой смене погоды рыба не клюёт. С людьми в Интернете та же петрушка. Хотя на посещаемости это, как правило, не сказывается. То есть читают или ролики смотрят как обычно, даже иногда чуть активнее. А вот комментировать и лайкать перестают. Как бы затаиваются караси наши.

– Здорово! Значит, сам пост нормальный?

– Думаю, да. Смотри по статистике: читали не хуже, чем вчера. А если хочешь больше комментов и лайков, публикуй с учётом прогноза, когда погода стабильная. Можно просто посмотреть на «Гисметео». Или даже лучше: сходи к Вике и попроси, чтобы она тебе показала «Синоптиков». Мы делали для одного психа такое сообщество в позапрошлом году. Сразу увидишь, в какие дни лучше публиковать.

– Спасибо! Слушай, у меня прям даже голова прошла.

– «Доктор Хаус едет сквозь снежную равнину!» – пропел Егор, откинувшись в кресле.

В обычном случае он бы оговорился, что это лишь рабочая гипотеза, хотя он и вправду наблюдал такой эффект, но причина может быть и другая, надо всё проверить... Да ну нафиг. Первый день после отпуска. Ему вообще сейчас положена ломка-городняшка. Или как минимум перерыв на обед.

Проходя по двору бывшей мануфактуры, он мысленно перебрал местные кафешки и направился к одной из них... но остановился у заколоченной двери в кирпичной стене. Что-то здесь было до отпуска? Да вроде нет, давно уже эта дверь забита. Он двинулся дальше, но у самого кафе опять притормозил. Вспомнил.

То, что было за обшарпанной дверью, накатило из более далёкого прошлого. Ещё студентами ходили они на Даниловскую мануфактуру поесть. В начале двухтысячных здесь был вещевой рынок, а в глубине его – вьетнамская кафешка, хо-

рошо спрятанная в лабиринте торговых рядов с шубами и платьями. В этом и был их студенческий лайфхак: на каждом рынке прятался такой вот дешёвый и вкусный шалманчик «для своих», и они с друзьями периодически находили и показывали такие места друг другу, что позволяло экономить скудный бюджет.

Он передумал заходить в аккуратную стекляшку «Каравановых», развернулся и пошёл на Даниловский рынок.

3. Чашка Петри

В рекламное агентство Паши он попал так же случайно, как до этого – на биофак. Не то чтобы совсем от балды, но... Есть такой образ жизни, когда оглядываясь назад, понимаешь, что всё вышло правильно – но думая о будущем, никогда не относишь себя к тем людям, у которых, как пел Цой, «есть хороший жизненный план».

В восьмом классе Егор выиграл областную олимпиаду по биологии и получил приглашение в столичную спецшколу-интернат с биохимическим уклоном. Правда, выращивание огурцов на даче и пересвистывание с домашней канарейкой едва ли можно было назвать его главными увлечениями. С не меньшим интересом он рисовал, играл в футбол или паял радиоприемники из тех деталек, что приносили с работы родители-инженеры. Однако родители резонно заметили, что столичная спецшкола – с любым уклоном – будет всяко лучше своей подольской, где после выпускного ничего не светит, кроме окон военкомата на проспекте Ленина. Так что, если дали шанс – вали в Москву.

Поступление на биофак универа стало автоматическим следствием спецшколы. Учеба особо не напрягала, но после второго курса надо было как-то определиться со специализацией, найти себе научного руководителя и двигать в сто-

рону диплома.

Поразмыслив на эту тему, Егор пришёл к выводу, что его отношение к биологии лучше всего выражается схемой Палеонтологического музея. А точнее, любимым маршрутом по этому музею. Первый раз оказавшись в Палеонтологическом, он вошёл на экспозицию с той стороны, где был выход. И с тех пор, даже узнав об ошибке, он всегда гулял по этому музею именно так: начинал со скучных черепов первых людей, затем переходил к гигантским костям более древних млекопитающих, миновал динозавров... С каждым следующим залом, с каждым этапом этой обратной эволюции жизненные формы нравились ему всё больше. И особенно – самый последний, самый классный зал с моллюсками, иглокожими, радиоляриями и другими прекрасными существами, которых голые обезьяны вида гомоцапов оскорбительно называют «простейшими».

В общем, кафедра зоологии беспозвоночных поначалу казалась лучшим выбором. Однако с наукой на эту тему возникли некоторые противоречия. После летней практики на Белом море Егор понял, что он не настоящий ботан, готовый тратить жизнь на уточнение классификации мшанок. А ещё обнаружилось, что множество людей, занятых такой наукой, на самом деле тоже не фанаты: им просто нравилось почаще бывать на природе, жить в медленном времени леса, в безмолвии моря; университет они использовали, чтобы обеспечить себе приятный эскапизм. Егору же наука нравилась са-

ма по себе, а жизнь нравилась активная. Если же хочется замедлиться, всегда можно поехать к родителям в пригород, где до реки и леса – пятнадцать минут ходу, и для этого не требуется оправданий в виде исследовательских экспедиций.

Когда он поступал в универ, считалось, что российская наука «начала возрождаться», но на деле это по-прежнему напоминало различные формы загробной жизни. Научные мужи с хорошим жизненным планом по-прежнему старались свалить за границу, оставляя на родине научных жён. Самые бойкие из этих старушек осваивали розничную торговлю, и потому типичной визиткой академических заведений с высокими колоннами стали прилавочки с эзотерической литературой, целебными травами да эфирными маслами. Прилавочки эти обычно лепились на самом входе возле охраны, рядом с доской объявлений о лекциях по расширению сознания. Так что и с сознанием всё было схвачено: у таких старушек несложно сделать и диплом, и кандидатскую, которая вполне оправдала бы тихую ботаническую жизнь... но Егора такая перспектива не манила.

Однако последние представители разваленной советской науки сослужили ему другую добрую службу – как переводчики всего того, что делала наука за рубежом. Егор запомним читал переводные научно-популярные книги, оказавшиеся интереснее всей отечественной фантастики, и даже стал постепенно склоняться в сторону того, что на Западе называется *Neurosciences*, а в отечественной версии биофака

представлено кафедрой высшей нервной деятельности. Там и преподаватели выглядели поживее, чем беспозвоночные.

Правда, там выявилась другая особенность пост-жизни на академических руинах. Многие представители нового поколения отечественной пост-науки представляли собой цветастую помесь шоуменов с бизнесменами, зачастую даже выступали пиарщиками каких-нибудь инноваций – но как учёные копали неглубоко, занимаясь преимущественно компиляциями западных рисёчей.

На семинаре одного такого профессора, красиво вещавшего о новых концепциях «эмоционального интеллекта», Егор задал невинный вопрос об ограничениях, которые накладывает использование томографов в исследовании мозга. Ведь ФМРТ показывает лишь приток крови к целым группам клеток, то есть не позволяет наблюдать активность отдельных нейронов, не говоря уже о передаче отдельных сигналов по синапсам...

Вопрос был вполне корректный, но профессор не на шутку обиделся. Как выяснилось впоследствии, за месяц до этого какой-то въедливый рецензент разнёс научную работу профессора, используя схожие аргументы. Рецензент утверждал, что большое количество публикаций по «эмоциональному интеллекту» стало следствием «культы инструмента», подобно тому, как более ранние исследования с помощью энцефалографов породили множество бредовых теорий о «мозговых волнах». Теперь, утверждал критик, такие же ми-

фы порождает использование томографов, которые могут исследовать только внесинаптическую передачу сигналов, когда нейроны работают в режиме «масс-медиа». Но таким способом передаются не мысли, а эмоции – отсюда и мода на «эмоциональный интеллект». Всё это Егор прочитал значительно позже, когда его отношения с потенциальным научным руководителем были уже испорчены случайным попаданием в болевую точку последнего.

А тема для диплома в конце концов нашлась на другой кафедре – случайно, опять же. Подруга затащила его на лекцию «Анализ социальных сетей: новая антропология». Тоже попса, но куда не сходишь ради симпатичной сокурсницы?

Выступавший аспирант, всего лет на пять старше Егора, и сам начал с шуток о том, что приходится идти на поводу у школоты: никому теперь не интересно рыться в окаменевших экскрементах, но стоит только упомянуть Facebook, так и полная аудитория набивается.

Кстати, школота, вы ведь в курсе, что каждый человек связан с любым другим через шесть рукопожатий? Чтобы проверить эту гипотезу с помощью бумажной почты, Милгрэму потребовались годы – а сейчас на основе соцсетей можно получить вот такую диаграмму за один день. Смотрите, среднее число узлов между любыми двумя людьми составляет всего три с половиной, а больше пяти практически не бывает. Можно даже оценить связность в разных группах: видите, физики-теоретики знают друг друга лучше всех.

И ещё о профессиях – как вы думаете, каковы шансы, что дочь учительницы тоже станет учительницей? Вот статистическая картинка по всем профессиям, обратите внимание на военных. А хотите узнать, насколько дети с возрастом удаляются от родителей в обычных километрах? Да пожалуйста, смотрите здесь: сыновья всё-таки дальше, чем дочери.

Что ещё интересно школоте? Секс, религия? Угадайте, какой процент мусульман вступают в отношения с христианками. Нет, не угадали – меньше. Теперь сравним с графиками по другим религиям: ага, у мормонов вообще жуть. А вот и раскладка по странам: видите, Испания самая раскрепощённая, но даже там межконфессиональных пар вдвое меньше, чем пар с общей религией.

Хочется навести на резкость и поизучать отдельных людей? Легко! Вот вам персональные кластеры связей: у большинства людей их всего три, «семья-школа-соседи», к 30-ти годам добавляется ещё пара кластеров, но позже опять происходит спад до трёх. А вот векторы внимания: успешный человек больше общается с друзьями, несчастный – читает незнакомцев. А вот любопытные корреляции вкусов: владельцы кошек чаще увлекаются мрачной фантастикой. Ну и конечно, многие вещи можно в динамике прокрутить: скажем, частотный анализ ключевых слов в постах выдаёт периоды обострения психических расстройств – все видят на этой картинке, в чём секрет успеха рождественских распродаж?

На таких примерах связка пыльной антропологии с современными сетевыми исследованиями вышла очень впечатляющей, и Егор вышел из аудитории с целым списком новых имён, от Эмиля Дюркгейма до Джаред Даймонда. Даже Лоренца и Фарба захотелось перечитать с учетом того, что показали на слайдах той лекции. А может, всё дело было в картинках: деревья социальных графов и ёжики диаграмм удивительным образом напоминали любимый зал Палеонтологического, а весь Интернет представлялся огромной чашкой Петри...

В этой чашке у него завёлся и свой уголок для экспериментов: после одного летнего похода они с приятелем замутили группу «Вконтакте», посвященную родникам и ключам. Вскоре стало ясно, что в соцсети не хватает функционала – в первую очередь, нужна была удобная интерактивная карта, лучше в виде мобильного приложения. Плюс какая-то система поощрения: те, кто описывает и наносит на карту больше родников, должны получать больше уважения и респекта.

П приятель, учившийся на геологическом, больше интересовался самой картой, которую он собирался использовать в своей научной работе с модным экологическим уклоном: засоление грунтовых вод вследствие вырубки лесов. Егор же увлёкся сетевой антропологией. Начавшись с рутинных задач по организации сайта – как упростить навигацию, раз-

решать ли анонимность – его наука постепенно двигалась к более тонким вопросам.

Принципиально ли онлайн-овые ритуалы отличаются от офлайн-овых, или это просто другая форма тех же ритуалов? Скажем, чтение записей в блоге понравившейся девушки – чем не аналог обнюхивания при знакомстве? Или такая параллель: выбор сетевого ника как наречение новым именем при инициации у индейцев.

Или вот сакрализация приложений. Понятно, что машинный интеллект уже обогнал человека по многим параметрам в цифровой среде, как акула обгоняет в воде аквалангиста. Но статус «высшей силы» пока ограничен, поэтому отношения с умными машинками очень напоминают отношения язычников с разрозненными духами природы, а в роли шаманов выступают сисадмины и хакеры. Означает ли это, что следующим шагом обязательно станет поклонение единому машинному супер-интеллекту, эдакий технический монотеизм?

Ну и самое интересное: какой клей скрепляет сетевые сообщества, если речь не идёт о родстве, территории и прочих понятиях «своих-чужих» из физического мира? Казалось бы, логичный ответ – «общая идея». Но любой вменяемый вебмастер скажет вам, что этого недостаточно.

Более того, собственный опыт поддержки сайта-сообщества привёл Егора к подозрению, что некоторые скромные вебмастера шарят в этологии даже лучше, чем бородатые

профессора университетов. В то время как раз вышла книжка голландского приматолога Франса де Вааля «Бонобо и атеист: в поисках человеческого у обезьян». В ней известный учёный описывал загадочный эффект: после 2005 года его студенты на лекциях стали в штыки воспринимать цитату о том, что человек по природе – злобное эгоистичное животное, а вся мораль и взаимное уважение – лишь лакировка низменных инстинктов. Однако массовые научные публикации, доказывающие врождённый альтруизм, появились позднее. Поэтому Франс де Вааль предположил, что вначале произошли какие-то изменения в обществе, а наука «просто пытается соответствовать духу времени». Но что именно случилось в середине нулевых, отчего студенты вдруг поверили в доброту окружающих? Учёный с мировым именем так и не понял.

А опытный вебмастер ответил бы сразу: именно в эти годы в интернет-сервисах стала обычным явлением ежедневная оценка действий каждого человека с помощью “плюсов”, “лайков” и прочих виртуальных поглаживаний. Общественно-полезные дела стали приносить быстрое и наглядное поощрение: родилась цифровая карма. Вебмастер даже назвал бы эту “лайкировку” новым этапом развития нравственности человека будущего... но тут его мог бы щёлкнуть по носу бородатый антрополог, который напомнил бы, что такая же ситуация усиленного позитивного фидбэка работает в религиозных общинах и сектах. Именно потому так живучи некото-

рые бредовые идеи: если их последователи получают больше позитивных реакций от своих единоверцев, чем одинокий желчный атеист, такое мировоззрение не разломаешь голой логикой...

После диплома Егор продолжил ту же тему в аспирантуре. вебмастер и антрополог в его голове отлично работали вместе. А вот с геологом они разругались. Предметом спора, как во многих подобных случаях, стали деньги. На популярной конференции стартапов, где они демонстрировали свое приложение с картой родников, геолог подружился с представителями компании-производителя минеральной воды. Вначале дядечки в дорогих пиджаках заинтересовались проектом чисто ради пиара, но скромный парень с геофака показал себя настоящим бизнесменом: он предложил им освоить местное производство минералки из тех соляных ключей, что размечены на карте. Зачем тащить через всю страну воду из какого-нибудь Кисловодска, если её можно качать под Москвой?

При этом всю сделку по продаже проекта он провернул без участия Егора. Это было нетрудно: вся документально оформленная собственность их бизнеса состояла из домена, записанного на геолога, и приложения в Google Play, опубликованного с его же аккаунта.

Однако на конференции заметили и второго партнера. Среди визиток, попавших в карман Егора, оказалась чёрная карточка с серебряным названием пашиного агентства. На

тот момент Егор ещё не знал о кидалове, которое приготовил ему геолог, и чёрную визитку он взял исключительно из вежливости, чтобы побыстрее разойтись.

Но Паша сам позвонил через две недели. К тому времени стало ясно, что вся егорова антропология превратилась в чисто теоретическую науку: материал для диссертации у него был, а вот сайта уже не было. Да и денег тоже. Поэтому пашино предложение «проконсультировать один похожий проект» оказалось весьма кстати.

4. Рыбка Поньо

Поедая паэлью на рынке, он вспомнил, что надо покорить и мобильник, то бишь купить зарядку – старую они забыли в отеле в Гонолулу.

Ха-ха. Зарядка для мобилы? Да ты просто нашёл ещё один предлог, чтобы не возвращаться в офис. Хотя раньше после отпусков иначе было: накрывало унылым сплином... А теперь такое ощущение, словно что-то отпускное приехало вместе с тобой и незаметно, но упорно подламывает реальность. Не подменяет её, как делает красивая отпускная фотка с пальмой, а именно подламывает, вытаскивая что-то такое, что в этой реальности уже есть, только ушло на задний план. Все эти ассоциации, воспоминания, заколоченные двери...

Словно бы в подтверждение этих мыслей, улицы решительно отказывались приводить его к салону связи или какому другому магазину, где продавалась бы нужная зарядка. Зато, когда он увидел вывеску «Тайский массаж», внутренний голос сказал не то чтобы «да», но «уже теплее». А может, это сказала спина, которая ещё ныла после отсидки в офисе.

Главное правило выбора тайской массажистки Егор вывел год назад в отпуске на Самуи: она ни в коем случае не должна быть молодой и симпатичной. Лучший массаж де-

лают страшноватые тётки лет пятидесяти – разминают так, что выходишь словно после шести раундов бокса. Однако в салоне, куда он зашёл на этот раз, ему предложили выбрать мастера по фоткам, где все они были сильно накрашены и наряжены, как храмовые статуи неизвестного периода.

Он ткнул наугад, но не прогадал. Хотя, даже когда она помыла ему ноги, он так и не мог определить, сколько ей лет. В комнате темно, лица не разглядеть, а её движения, скажем так, противоречат ожиданиям. Именно это ему и нравилось в тайском массаже: каждый раз получалось по-разному, каждая массажистка не только применяла собственный стиль, но и добавляла творческого разнообразия с учетом особенностей клиента, а может даже с учётом погоды.

Так случилось и здесь. Начала она медленно и как-то нехотя, словно до этого устала с другими клиентами, и Егор решил, что ей лет сорок. Но вот она перешла от ног к спине, виртуозно работая коленями и локтями, и в конце концов легко вскочила прямо на него, разворачивая ему лопатки своими маленькими ступнями. Сразу представились мультфильмы Миядзаки, где старушки легко превращаются в девочек, а девочки в рыбок, а потом обратно. Та, что бежит сейчас по его спине – ну точно девочка лет пяти, и это никак не вяжется с фотографией каменной статуи на стойке регистрации. Каждое её нажатие отдаётся тихой вспышкой во внутренней темноте, и в памяти снова всплывает планктон, как он фосфоресцирует на отливе, они все вышли на берег

в тот вечер, чтобы полюбоваться на это чудо: дочка француза из соседнего бунгало с опаской разглядывает созвездия, вспыхивающие под ногами, потом идёт смелее, подпрыгивает и танцует, и зелёные огоньки бегут за ней по краю воды...

Массажистка ничего не говорила вначале, но, когда он совсем расслабился и закрыл глаза, она спросила что-то, чего он не понял. Ей пришлось повторить, «Are you okay?». Он ответил утвердительно, и дальше они только перекидывались этими «океями». Один раз он ойкнул, когда она разминала ему правое плечо, но он сразу сказал «окей-окей», в том смысле, что она не виновата. Добавил «I work a lot with computers» и изобразил руками клавиатуру.

Она засмеялась и кивнула, «Computers yes», и ещё немного поплясала на том плече. Затем обошла вокруг, села на колени с другой стороны и взялась за его левую ладонь.

В голове вспыхнуло так, словно в комнате сорвало потолок. Видимо, она нажала какую-то особую точку. От неожиданности он даже подскочил, и видение сразу исчезло. Вокруг по-прежнему сумрак, играет тихая музыка.

– Воуна?

– What?

– Бойна?

Он наконец понял, что она спрашивает по-русски.

– Нет, не больно. Чуть-чуть.

– Бойна чуть-чуть. Патом карашо.

– Да-да, окей.

Хотелось сказать ей что-нибудь ещё, как до этого он говорил про компьютеры. Но то была правая рука, которая действительно устаёт от мышки и тачпэда. Туннельный синдром и всё такое. А левой он вроде ничего особого не делал...

Она опять взяла его левую ладонь, аккуратно потянула мизинец, безымянный, средний. Он почувствовал, что на пальцах натянута верёвка. Повернул голову, посмотрел на руку.

Конечно, никакой там верёвки нет. Но чувство-воспоминание удивительно яркое, прямо как та вспышка голубого света. Цвет моря. Они гуляют по прибрежному рынку. Какой-то сухой старик с длинными седыми патлами, заплетёнными в косички, показывает фокусы с верёвкой на пальцах. Делает из неё фигуры, одна превращается в другую, как мультфильм. Потом старик машет рукой, приглашает подойти.

Они с Ольгой и парой друзей смеются, толкают друг друга к старику. Наконец Егор протягивает левую ладонь, старик набрасывает верёвочные петли ему на пальцы. Дергает другой конец верёвки – оп! – и над рукой вырастает что-то вроде верёвочного шалаша. Старик что-то говорит. «Это гарпун», переводят рядом по-английски. Старик делает ещё пару пазов, и на месте верёвочного гарпуна появляется верёвочная рыбка. Рыбка плывёт по верёвке и заплывает в ладонь Егора. Все хлопают.

Голубой свет меркнет, вокруг тёмная комната, мягкие

пальцы массажистки переходят с ладони на предплечье, потом на плечо.

После того гавайского рынка они поехали в бар, и кажется, он там перебрал с ромом. Наверное, поэтому и забыл про-исшествие со стариком и верёвкой. Может, позвонить Ольге? Она наверняка всё помнит.

Он приподнялся на локте, намереваясь встать.

– Дайсе девать, – сказала массажистка. – Гавава. Не бойна.

– Да, простите, забыл.

Он снова лег. Никуда бежать не надо. Наоборот, попросить эту рыбку Поньо ещё разок пробежать по спине. И по рукам, конечно.

###

Большой оранжевый рюкзак, ещё утром стоявший в прихожей, исчез. И хотя из ольгиной смски он уже знал, что она придёт домой раньше, его немного покорило это самоуправство.

Он заглянул в гостиную. Так и есть: разобрала не только свои вещи, но и его! Книжки, которые он брал в отпуск, лежали на письменном столе, рядом с большой раковиной *Symbiola nobilis*, выловленной в последний день. В спальне хлопнула дверца шкафа, и он направился туда, сделав по дороге глубокий вдох.

Ну подумаешь, разобрала. Конечно, он бы сам не спешил,

он ещё не переключился полностью на эту городскую квадратно-гнездовую жизнь с блестящим паркетом, пластиковыми окнами и икейными шкафами. Оранжевый рюкзак вполне мог бы постоять в прихожей ещё пару дней...

Стиральная машина. Он услышал звук, и не заходя в спальню, прошёл дальше на кухню.

Блин. Не только разобрала, но и в стирку засунула. Прозрачная дверца стиралки была похожа на иллюминатор самолёта, попавшего в шторм.

– Оль, ты давно дома?

– Ага. Отпустили пораньше, чтоб не свихнулась сразу после отпуска. – Она вышла из спальни, держа в руках его ласты. – Слушай, а где у нас раньше это лежало?

– Давай сюда. Вообще, зря ты... я бы сам своё разобрал. Стираешь небось в холодной воде?

– Ой, не начинай. Там на всех бирках написано – тридцать градусов. Вещи портятся, если их стирать в горячей.

– Зато бактериидохнут. И грязь отстирывается. Сто раз говорил: мои джинсы хотя бы не стирай в холодной.

– Так. У тебя тяжёлый день был, да? У меня тоже. Мог бы спасибо сказать, что я после работы ещё и дома порядок навожу.

«А я потом ничего не могу найти», хотел ответить он. Сдержался. Медленно, словно через соломинку, выдохнул. Поставил чайник и плюхнулся в кресло на кухне у окна. Движение отдалось слабой, приятной болью в плечах, размятых

на массаже. Хотел ведь спросить у неё про того старика. Как некстати ссора.

Раздражение постепенно улеглось, и чайник тоже отшумел. Егор заварил улун, подождал ещё, пока смолкнет стиральная машина, и вернулся в спальню. Ольга по-прежнему копалась в шкафу. Может, это её личный способ скрыться от неприятностей? Надо потом спросить, не пряталась ли она в шкаф, когда была маленькой.

– Ну извини, Оль. День и правда дурацкий. Будешь чай?

– Буду. – Она выглянула из-за дверцы шкафа с усталой улыбкой. – У меня есть манговые печенки из дьюти-фри.

– Слушай... А ты помнишь, мы в последний день плавали на Мауи, и когда шли с пляжа через рынок, там один старикан показывал фокус с верёвкой...

Он замолчал, увидев, что она перестала улыбаться.

– Теперь ты меня извини. Кажется, я её выкинула.

– Что выкинула?

– Верёвку, которую тебе всучил этот сумасшедший. Ты её бросил в пакет с ластами. Я подумала, ты просто из вежливости её взял. Она такая грязная была, а в пакете было полно песка и водорослей... Я всё вывалила в мусор. Ласты и маску помыла.

Он вернулся на кухню, открыл дверцу шкафчика, где стояло помойное ведро.

– ...И мусор вынесла, – тихо сказала Ольга, заходя на кух-

ню следом за ним.

– Левый или правый контейнер?

– Что?

– В какой контейнер на помойке ты бросила мусор? Там обычно два стоят.

– В правый. – Она вышла за ним в прихожую, и пока он надевал ботинки, добавила: – Белый пакет из «Азбуки вкуса».

Он вернулся минут через пятнадцать. С глупой усмешкой поднял руку, демонстрируя висящее на ней кольцо мокрой зеленоватой верёвки. Ольга отшатнулась: на рукаве его новой куртки блестело жирное пятно, красное с жёлтым краем – видимо, соус. Но он совершенно не замечал этого. Так и прошёл в испачканной куртке в комнату, бросил грязную верёвку на стол и открыл ноутбук.

– Егор?

– Да?

– У тебя всё в порядке?

– Да.

Он не отрывался от монитора.

– Я хотела сказать... ты не против, если я съезжу к маме на пару дней? Подарки отвезу. Ну и вообще, нам кажется надо отдохнуть немного друг от друга...

– Как хочешь.

###

Поисковая лихорадка прошла так же внезапно, как началась. С чего он вообще решил, что ему поможет карта? Найдённая верёвка вызвала ассоциацию с береговой линией?

Он начал с того, что открыл Google Maps и спикировал на Гавайский архипелаг. Когда появились названия островов, выбрал Мауи и снова ринулся вниз, на быстро расширяющуюся землю, к городку Капалуа. Дальше посложней: названия рынка или улицы он не знал. Но знал название отеля и пляж, куда они ходили нырять в тот день – можно полетать между...

Увы, это ничего не дало. Хотя он нашёл рынок и прошёлся по нему в Street View, узнавая навесы из пальмовых листьев. И даже прочёл несколько туристических обзоров, где этот рынок упоминался. Но никаких аттракционов с верёвкой на руке.

Вместе с разочарованием навалилась апатия. Он выпил чаю, написал Ольге в чате “извини, это нужно по работе, потом объясню” – и только тут заметил, что уже за полночь.

После контрастного душа апатия отступила, сменившись обычной усталостью. В темноте громко звякнул смартфон: от Ольги прилетело холодное “ок”. Он пролистал список её сообщений за последние дни – и подумал, что с утра можно позвонить турагенту. Тот, кто продал им путешествие по Гавайским островам, должен что-нибудь знать.

5. Птичий рынок

Клиент не был похож на солидного человека. Лет двадцать пять или даже моложе. И взгляд какой-то слишком позитивный. Впечатление несерьезности дополняли рыжеватая хипстерская борода «совочком» и пиджак в крупную коричневую клетку, явно подобранный под бороду.

Он сидел у дальнего конца длинного стола, занимающего всю переговорку. Коллеги из агентства расположились с другой стороны, ближе ко входу. Егора приветствовали дежурными вопросами про отпуск. Он снова отшутился про отсутствие загара, сел позади всех в углу и стал разглядывать рыжебородого.

Может, стартапщик? Тогда, если судить по одежке – самый худший тип стартапщиков. Таких Егор называл «соловьями». Они обычно носятся с Идеей, которая Сделает Мир Лучше. Носятся шумно и бывают очень изобретательными, но на длинные дистанции не бегают. После того, как стартап лопнет, они затевают другой стартап, а если за спиной уже пара-тройка провалов – оседают поближе к большим кормушкам, в каких-нибудь инвестиционных фондах в качестве «эксперта по стартапам». Лучше с ними не связываться, или по крайней мере не иметь общих проектов, рассчитанных более чем на полгода.

По-настоящему стартапы строят другие птицы. Во-первых, «дятел». Эдакий зануда-сисадмин, готовый пахать над своей разработкой годами. Хотя «своей» в данном случае – не очень корректное слово. Дятлы не страдают фантазией, а потому обычно пользуются чужим креативом, как минимум на уровне техзадания. Марк Цукерберг, нанятый доделывать проект университетской социальной сети, просто унёс её с собой – так получился Facebook. Альберт Попков работал у каких-то прибалтов, делавших сервис для одноклассников, потом ушёл от них и открыл российских «Одноклассников». Отечественные стартапы – сплошная армия клонов. Ну и что? Главная фишка дятлов – упорство. Шансы на выживание их поделок довольно велики, вести с ними дела можно долго и выгодно.

Другой перспективный вид – «лысый орёл». Скучающий бизнесмен, который срубил большие бабки на чём-то неромантичном, и решил теперь поиграть в инновации. В прошлые века «лысые орлы» двигали балет или постройку *perpetuum mobile*, сейчас у них популярны другие незакрытые гештальты. Хотя чистых любителей искусства и науки среди них немного. Они просто знают, что деньги портятся, если не двигаются. Инфляция, девальвация, кризисы, периодическое раскулачивание и посадка отдельных богатых буратинов. Поэтому люди с большими доходами вынуждены постоянно вбухивать свои бабки куда-нибудь.

И специально под таких несчастных создаётся рынок мод-

ных точек для сдачи бабок, своего рода освободительная психотерапия: ведь вбухиванием движет страх потери, амигдала жжот. Сейчас модно сдавать на мобильные приложения, завтра будет модно сдавать на умные бактерии, искусственные острова или собственный Нейронет с нейроджеком и нейрошлюзами. Но сценарий тот же: можно неплохо посотрудничать, пока у барина золотишко водится. Приезжаешь в какую-нибудь заснеженную промзону, проходишь склад с лакокрасками и унитазами – и попадаешь в райский уголок, где все сидят на новеньких Маках и говорят «мы уже заказали логотип».

Первое время эта фраза служила для Егора тем звоночком, после которого надо вежливо раскланяться. Потому что дальше всё понятно на два года вперёд: кучу бабок выбросят на ветер, ни черта работать не будет, а потом тебя же и обвинят. Но позже он понял, что если не вживаться в такие проекты глубоко, а проходить по касательной, в роли консультанта, то и с «лысыми орлами» можно работать. Более того, в отечественных реалиях, где нет биржи, только скучающие миллионеры и могут обеспечить выживание наиболее шизовых стартапов.

Но парень в клетчатом пиджаке выглядит слишком молодо для «лысого орла». И чересчур хорошо одет для «дятла». Правда, и «соловей» из него не торт: сидит молча, рисует чего-то у себя. Настоящий «соловей» уже впаривал бы свою Великую Идею собравшимся, или хотя бы шутил с девушками.

ми для разминки.

Остается вариант «волоклой». Та птичка с красным носом, что сопровождает бегемотов, как личный доктор. Хитрый и исполнительный пиарщик более крупной компании. В целом это лучше, чем стартап. Ибо стабильнее. Но общаться тяжелей: постоянно будет «испорченный телефон» с соглашениями и утверждениями...

На этом месте игра в орнитологическую гадалку была прервана – в дверях переговорки появился Паша, но тут же отступил и пропустил вперёд маленького бритоголового человека в кожаной куртке. Хотя золотую цепочку у него на шее нельзя было назвать «цепью», она всё-таки показалось Егору излишне толстой.

– Ага, все в сборе, отлично! – воскликнул Паша. – Я уже рассказал Иосифу Леонидовичу в общих чертах, что мы можем предложить компании «Бьюти-Мама». А сейчас всё это более подробно покажет Андрей... – Перехватив удивлённый взгляд Егора, он добавил. – ...Наш новый креативный директор.

Рыжебородый хипстер поднялся, взял пульт и открыл на большом экране первый слайд презентации: счастливая мама с толстым придурковатым карапузом на руках.

Блин, ну ты и тормоз, обругал себя Егор. Из-за вчерашних поисков верёвочного фокуса он забыл поискать информацию о заказчике. А когда пришёл в офис, то обнаружил,

что смартфон разряжен. И зарядка новая до сих пор не куплена. Ну вот, решил импровизировать на ходу... и принял нового сотрудника за клиента. Хорошо хоть, не успел ничего сказать вслух, аналитик хренов.

Он посмотрел на экран. Товары для беременных и молодых мам. Рыжебородый начал излагать концепцию проекта, всё ещё держа на экране сладкую парочку первого слайда. На мамаше – платье в цветочек с глубоким вырезом, оттуда вываливается большая... ну, почти вываливается, пока ещё прилично. Но карапуз у неё на руках уже открыл рот и тянется с явным намерением этот рот заполнить. С такой картинкой надо делать рекламу для вейперов и кальянщиков. «Не дососал у мамы? Соси у нас!»

Егор покосился на бритоголового. Тот как-то неудачно сел с другой стороны от Паши, не разглядишь особенно. И практически не проявляет себя, лишь чуть кивает на каждую новую картинку. Конкурс детских фоток с призами от бренда... Личные календарные «линеечки» с привязкой фотоальбома, дневника развития ребенка и полезных статей по возрасту... Приложение для планирования совместных прогулок с другими мамашами и детьми, карта «зелёных маршрутов»... Онлайн-консультации косметолога – на этом месте бритый кивнул аж два раза. Ну понятно, его основной бизнес. Остальная социалка – для раскрутки.

Все эти вещи они накреативили ещё до отъезда Егора в отпуск, тут ничего нового. Его позвали на встречу не за этим.

###

Пашино агентство начинало свой digital точно так же, как многие другие рекламщики этого века. Промосайты, баннеры, контекст и немножко SEO. Потом появились блоги, группы в соцсетях, мобильные приложения, мессенджеры и прочий SMM. Другие делали то же самое. Как в сетях фастфуда, у всех была одинаковая курица. Агентству нужна была своя приправа, своя фишка.

На их первой встрече в офисе агентства, помимо Паши, присутствовали ещё трое: аккаунт-менеджер Вика, менеджер проекта Марина и предыдущий креативный директор Женя. Что означают эти должности, Егор ещё не знал, но по мере разговора сориентировался. Вика отвечала за связь с клиентом, и именно она рассказала, чего он хочет. Между собой они называли его Синоптиком. Сталелитейный магнат с идеей фикс: ему нужна правильная погода, чтобы видеть хорошие сны.

В классификации Егора это был первый «лысый орёл». Немолодой, но цепкий дядька технического склада ума, магнат любил простые и ясные модели мира. А потому, заметив какие-то корреляции собственных снов с дождями, этот железный миллионер решил и тут разложить всё по полочкам. Ещё до пашиного агентства кто-то из свиты магната посоветовал ему сделать сайт. Точнее, вся затея называлась «Центр

онейрологии», но свита решила, что с сайтом будет как-то современнее.

Хозяину понравилось. Более того, он увлёкся идеями Web 2.0: зачем держать лишний штат умников, если можно изучать опыт пользователей – кому и что снится, при какой погоде, в каком климате. Свита спешно прикрутила к сайту форум. Потом группу «ВКонтакте». Но ничего не взлетало. Тогда пришли в агентство.

Егору казалось, что косяки очевидны. Начинать хоть прямо с унылой морды сайта: у этого самопального исследовательского центра попадались интересные материалы, но всё пряталось где-то внутри. Вытащить бы их на главную в ротации, с нормальными картинками и заголовками... На этом месте Марина напомнила, что клиент сейчас заморочен именно на пользовательском контенте.

А пользователям-то нафига нужен ваш сайт, с усмешкой спросил Егор. Марина развела руками. Егор вздохнул... и начал пересказывать кусок своего диплома. Если вы хотите собрать на сайте какую-то аудиторию, нужно узнать её потребности, а затем удовлетворять их в меру своих возможностей. Из базовых – еда, секс, здоровье – вашему проекту ближе всего последнее. На эту потребность работают статьи центра онейрологии, но они навалены на сайте мёртвым грузом, а значит, надо оживлять.

Если же хочется, чтобы юзер и сам что-то делал на сайте, мотивируйте его активнее через другие потребности. Напри-

мер, есть потребность в самопрезентации: красивая личная страница, фотоальбом, блог. Потребность в общении: форумы, чаты. Потребность в статусной игре, конкуренции: видеть своё имя на карте, на главной странице в топе, получать хотя бы виртуальные призы. Потребность в причастности к группе: приглашения, клубные карты и другие входные ритуалы, своя внутренняя символика. И так далее.

Соцсети оттянули на себя часть потребностей, но не всё. У них хорошо работает самопрезентация, это их основной бизнес – расщепить общество на отдельных людей, а потом каждого обрабатывать посредническими сервисами. Разделяй и впаривай. Зато с коллективной деятельностью в соцсетях – голяк. Максимум, что можно там замутить – тупой флешмоб, вирусную панику, марш одиночек. Поэтому надо делать то, чего соцсети делать не умеют. В вашем проекте, например, можно сделать вот что...

Рекламщики слушали его внимательно, но так, словно он с другой планеты. А когда Егор закончил, креативный директор Женя заявил, что он всегда об этом говорил – нужно нанять юзабилита.

Егор считал эту консультацию разовой, и потому ответил со всем своим снобизмом. Юзабилити – это про ваше личное общение с унитазом, сказал он. А тут речь про общение людей друг с другом. В идеале – про совместные действия, которые, как известно, создают лучшие социальные связи.

Паша мысленно повторил эту фразу – и понял, что это

фишка, которая покатит. Только «связи» заменить на «лояльность бренду». А само «сообщество действия» связать с концепцией «посланников бренда», например.

То ли успешное применение науки на практике, то ли конверт, выданный после встречи – трудно сказать, что подействовало больше, но Егору такая работа даже понравилась. Вдохновлённый, он начал следующую консультацию с социальных фракталов Данбара, но по лицам новых коллег понял, что это слишком тяжелая артиллерия. Остановился на принципе Парето: чтобы получить продуктивное сообщество действия определенного размера, нужно собрать базовое сообщество в пять раз больше. Расширить аудиторию. В нашем случае – не заикливаться только на тех, кто смотрит сны. Привлечь и аллергиков, и барочувствительных граждан, и прочих метеопатов. Им тоже помогла бы «народная карта» с оперативной инфой от живых датчиков. Где мигрень перед дождём мучает, где глаза слезятся от берёзовой пыльцы...

Так с его участием агентство успешно раскрутило «Синоптиков», а потом ещё пару проектов. И временами Егор действительно чувствовал себя доктором Хаусом, который моментально вылечивает пациентов одним простым советом.

«Да-да, лицо на сайте цепляет внимание. Но ребята, стоковые фотки с фальшивой улыбкой из другой страны вызывают подсознательное отвращение – «не наш человек». Ми-

мика должна быть местная и честная! А человек на фотке должен делать то, чего вы хотите от нашего юзера. Нет таких фоток, только стоковые? Тогда вместо лица поставьте там изображение еды – яблоко или печенюку. Серьёзно. Еда привлекает не меньше, чем лица, но она более интернациональна».

«Собрать статистику активности мамашек в их профилях – это круто. Но столбики голых цифр возбуждают только закоренелых бухгалтеров. Нарисуйте каждой девушке цветок с разноцветными лепестками, которые отражают разные виды её активности. Больше пишет на форуме – растёт синий лепесток, играет в фотоконкурсы – растёт жёлтый, и так далее. Это наглядно, такой цветок хочется вырастить побольше, сравнить с другими. Геймификация спасёт мир!».

«Никто не пользуется вашей программой лояльности, которая переводит активность юзеров в подарки от бренда? Ну, это логично. Нормальный человек никогда не нажмёт на кнопку «Программа лояльности». Это же ваш внутренний птичий язык. А нормальным людям такие слова ни о чём не говорят. Напишите на кнопке «Получи подарок!» – и посмотрите, что будет. Обычно крысы бегут быстрее, когда видят цель».

А потом случился облом. Очередной клиент, владелец фирмы-туроператора, хотел раскрутить собственный сервис травелогов. Егор предложил кучу вариантов, начиная от банальных пузомерок и заканчивая секретной (из разряда «по

секрету всему свету») игрой, участники которой должны детально копировать путешествия знаменитостей – останавливаться в тех же отелях, делать фотки в тех же местах и публиковать посты в том же стиле. Судя по первым тестам, игра обещала стать хитом. Но клиент не вкурил.

Паша успокаивал Егора, что он не виноват: клиенту не понравился редизайн сайта, поэтому он на автомате похерил и все предложенные сервисы. Заказчик особенно ругал «шапку» главной страницы, коллаж из трёх фоток: заснеженный склон с альпинистом, песчаный пляж с сёрферами и взлетающий самолет.

Через два дня Егор прислал Паше фотографию средневекового замка – и предложил заменить ею весь коллаж. Креативный директор Женя фыркнул, но Паша резонно заметил, что терять нечего, клиент почти уже сорвался с крючка. Ко всеобщему удивлению, замена сработала. Паша пригласил Егора выпить – и рассказать, какое биологическое оружие использовалось на этот раз.

В баре на Стрелке окрыленный алкоголем Егор произнес пламенную речь про паразитов. Он сравнивал крупные корпорации с динозаврами, средний бизнес – с собаками, стартапы – с мышами, а рекламщиков – с токсоплазмой. Он рассказывал, как маленький и примитивный паразит управляет поведением огромного сложного организма: для этого нужно лишь попасть в мозг. Вместо того, чтобы мучительно изучать, а потом заманивать рекламой тысячи потенциаль-

ных потребителей, нужно правильно воздействовать на одного-двух людей. На тех, кто принимает решения. Так можно стать наездником динозавра.

– Ну ты даешь, чувак... – Паша сделал страшное лицо. – Ты только что открыл самую главную тайну рекламного бизнеса. И теперь мне придётся тебя убить.

Потом он усмехнулся и поднял рюмку:

– Впрочем, я передумал. Приветствую тебя в тайном клубе высших паразитов!

Они чокнулись и выпили за Наездников и за их тяжкий труд – Джигитал Маркетинг.

– Ну конечно, всё упирается в то, чтобы убедить одного чела, то бишь представителя заказчика, – продолжал Паша. – Тут ты ничего нового не открыл. Есть миллион курсов по эффективным переговорам. А ещё есть откаты.

Однако Егор никаких курсов не посещал. Всё вышло случайно, как обычно. Ольга, искавшая, куда поехать в отпуск, прислала ему ссылку на новый рекомендательный сервис по туризму. Сайт хвастался особо хитрым совмещением коллаборативной фильтрации и нейросетевого обучения. Но Егора привлекла лишь одна скромная опция: рекомендации по фотографиям. В описании говорилось, что сервис пока в бета-тестировании, не воспринимайте всерьез...

Он и не воспринял. Просто провёл эксперимент. Нашел в «Фейсбуке» аккаунт заказчика, выкачал фотки его путешествий – а затем создал аккаунт в рекомендательном сервисе

и залил туда все эти снимки. На выходе получил рекомендацию съездить в маленький замок на юге Франции. С той самой фоткой, которая в итоге понравилась клиенту.

Всё это Егор и рассказал Паше между следующими двумя рюмками. Только упустил факт случайности со ссылкой от Ольги – а вместо этого ввернул термин «глубокий профайлинг клиента». Гендиректор был в восторге и велел продолжать в том же духе, только не афишировать среди коллег.

###

Но на сегодняшнюю встречу Егор не принес никакого профайлинга. И смартфон дохлый. И Паша уже поглядывает эдак вопросительно. Видимо, потому, что клиент ведёт себя слишком тихо. Только руки и видно: сложил перед собой, как прилежный школьник. Странно, кстати. Не очень сочетается с пиджаком этим кожаным, с золотой цепью и бритой башкой.

– Может, есть какие-нибудь вопросы? – предположил креативный в клетчатом. На экране застыл последний слайд, где не было ничего, кроме логотипа заказчика. – Да, пожалуйста! – добавил он, поглядев на Егора.

Левая рука, обмотанная вчерашней верёвкой, как-то сама собой оказалась поднята над головой.

– Я хотел спросить... – Егор замешкался, удивленный самостоятельностью руки. Но тут странный внутренний порыв

накатил снова, захватив его полностью, и он выпалил:

– А что здесь нарисовано, жопа или яйца?

По переговорке пролетел то ли вздох, то ли хмык. Паша повернулся к заказчику и быстро проговорил:

– Вы нас извините, мы так по-свойски общаемся. Егор только что из отпуска, долго жил среди аборигенов...

– Нет-нет, пусть он продолжает! – воскликнул бритоголовый.

Голос у него оказался неожиданно высокий, почти бабский. Егор почувствовал, что угадал. Он ещё не понимал, что именно, но этот голос как будто добавился к рукам прилежного школьника, показывая совсем другую сторону заказчика.

– Хочу напомнить, – уверенно заговорил Егор, словно и в правду долго готовился. – Приложение, которое мы делаем, позиционируется как социально-значимый проект для провинциальной аудитории. Мы хотим, чтобы этот логотип висел на каждой автобусной остановке, на каждом заборе в маленьких городках за МКАДом. А там у нас такие ценители искусства живут... Посмотрите на эту картинку их глазами.

Вместо этого все посмотрели на клиента. Тот молчал. А потом и вовсе встал. Бросил суровый взгляд на Егора.

– Честно говоря, у меня такие же мысли были, когда мне принесли этот логотип. Вы ведь не первые, к кому мы обратились. Но вы первые, кто об этом сказал прямо. И вот это самое, насчет любого забора... прямо в точку. Я видел, что

к нашему логотипу пририсовывали однажды на улице. Подумал, ну, один случайный гопник. Но теперь понимаю, надо переделать. Можете для нас новый логотип нарисовать? Я имею в виду, в дополнение ко всему, что вы сейчас показали. Чтобы всё сразу было на уровне, а?

Паша развёл руки в стороны, словно собираясь обнять лысого:

– Само собой, Иосиф Леонидович! Я же обещал, у нас специалисты. Пойдемте, Вера вам кофе сварит.

###

Вернувшись на рабочее место, Егор лихорадочно изучал всё, что можно было найти на клиента в Интернете. Ведь Паша попросит объяснения «уличной магии».

Нет, ничего интересного. Свою онлайн-жизнь владелец сети магазинов «Бьюти-Мама» начал семь лет назад, довольно стандартно: почтовый ящик на mail.ru, аккаунт на vk.com. Три года назад открыл для себя «Фейсбук» и почти забросил «Вконтактик», но иногда бывал в нескольких группах по своей косметической тематике. Его собственные аккаунты тех времен выглядели совсем скучно: краткие сообщения о поездках с обязательными селфи у достопримечательностей, перепосты статей о трудностях малого бизнеса и новостей законодательства в той же сфере.

Примерно полгода назад кто-то проконсультировал Иоси-

фа Леонидовича по SMM. А может, он и сам начитался пособий. Так или иначе, стиль заметно изменился. Нытьё о трудностях бизнеса исчезло, репосты стали посвящены «звёздным» мамашам и их детям. В ленте замелькали котики и прочие мими-мемы. И примерно раз в неделю в этот винегрет вставлялась история про какой-нибудь из своих продуктов. Было видно, что клиент выполняет инструкции SMM-щиков очень скрупулёзно. Каждый свой пост он теперь заканчивал вопросом к аудитории: «а что вы думаете об этом?», «расскажите о вашем опыте на эту тему!» Ну точно, отличником в школе был. А гопники его колотили. Потому и зацепило забором...

Нет, это ты уже притягиваешь за уши, остановил себя Егор. Может, у него на соцсетях вообще другой человек сидит, специально нанятый.

Если же судить по фоткам, клиент всю жизнь выглядел как сегодня: бритоголовый в кожанке. Разве что иногда менял кожанку на пиджак. Ни голоса, ни жестов в Фейсбуке не было. А с ними не было и того, что Егор ощутил сегодня.

Эх, попросить бы друга Андрона, чтобы пробил этого перца по своим хитрым базам. Или кинул гражданину фишинговое письмо... Но это требует времени. Хорошо быть Гуглом: подсматриваешь в миллионы почтовых ящиков, и никто тебя не назовет хакером.

Он бросил копать скучного клиента и вернулся ко вчерашней затее – найти гавайского старика с верёвкой. Начал

с туристических обзоров, но как-то незаметно досёрфил до народных традиций и мифологии. И зачитался до вечера. Особенно понравилась сказка про жестокого вождя-полубога, который собрал в одну сетку все припасы и забросил на звёзды. Люди и звери стали голодать, но в конце концов одна маленькая смелая крыса сказала: «Я добуду еду». Она забралась на самую высокую гору, с горы перелезла на радугу, а оттуда добежала до звёзд и прогрызла дырку в сетке. И еда посыпалась обратно на Землю. С тех пор группу звёзд, на которых висела сетка, называют Макалии, что-то вроде «Божьей сетки». А восход этого созвездия на Гавайях отмечают как главный праздник года – по сути, Новый год. И изображается это созвездие верёвочной сеткой. Кажется, что-то такое они с Ольгой и застали в своём зимнем отпуске.

И как эта сказка похожа на рекламный бизнес! На первом году работы в агентстве Егор удивлялся: отчего крупные бренды почти никогда не делают долгоиграющих промо-проектов, вроде какого-нибудь тематического форума? Потом стало ясно: мало какая акция может у них тянуться дольше годового финансового цикла. На следующий год новый божок со стороны бренда наполнит небесную сетку рекламным бюджетом, и грызть эту сетку должна новая крыса...

– Ну, это было на грани, чувак!

Паша появился рядом, когда Егор уже не ожидал его увидеть. За окном стемнело, в офисе никого больше не осталось.

– Колись, чего ты нашёл про этого торговца кремами?

– Да ничего особенного. Просто не люблю дизайнеров, ты же знаешь. Каждый раз, когда слышу фразу «Надо больше воздуха», прям хочется задушить гада. И логотипы такие уродские рисуют...

– Ладно, не хитри. Этот логотип ты давно видел, но ничего не говорил.

– Говорил, только никто не слушал... – Егор тянул время. – И про бабу эту толстую говорил, которая на первом слайде. А её всё равно оставили.

– О да, это был эпичный срач! – усмехнулся Паша. – Женечка орал, что у тебя нет вкуса и ты не просекаешь аллюзию на Рубенса. А ты ему тыкал в нос исследованием на основе архивов «Плейбоя»: полные модели популярны в годы кризисов и войн, а в стабильное время больше востребованы худые и фриковатые. Потом вы ещё полдня спорили, мирное ли у нас время, с учётом Украины и Сирии... Видишь, я всё помню. И ты был прав, признаю. Женя просто хотел знаковую тёлку протащить. Но он больше не с нами. Зато ты сегодня выдал так, что заказчик все наши предложения одобрил и авансом оплатил. Не-е, это не про воздух в дизайне. Ты его задел за живое!

– Ну да, нашлось кое-что забавное... – Егор снова попытался связать сегодняшние наблюдения в стройную легенду. Прилежный мальчик из приличной семьи мимикрирует под братка – ради чего? Наиболее эффективный дресс-код для

бизнеса?

Он так и не успел ответить: на столе ожил мобильник, зарядившийся наконец от офисного компа. Очень кстати. Хотя номер был неизвестный, Егор сделал печальное лицо – мол, извини, важный звонок... Паша махнул рукой:

– Ладно, мне тоже бежать надо, завтра расскажешь.

Егор поднял трубку.

– Здравствуйте, вы мне звонили утром... – сказала трубка мягким женским голосом. Звучало не очень утвердительно, но и не как вопрос. Мягкий туман.

– Да, здравствуйте. Мы у вас заказывали тур по Гавайям. Вчера вернулись.

– А как вас зовут, извините?

– Егор. Но с вами в основном общалась моя девушка Ольга. А я только один раз к вам приезжал, забрать страховки.

– Помню-помню. Вы в рекламном агентстве работаете, а она в журнале. Ну и как вам поездка?

– Всё замечательно. Как раз хотел вас поблагодарить и...

– Ой, а можете оставить отзыв на нашем сайте?

– Конечно. Но я хотел бы ещё спросить кое-что. Для следующей поездки проконсультироваться...

– Снова медовый месяц? Так быстро?

Он подумал: когда не видишь лица, иронию гораздо трудней отличить от искреннего удивления.

– Нет-нет, у нас всё в порядке. Просто меня заинтересовали некоторые местные обычаи. Хотелось бы изучить их по-

лучше. Может, вы что-нибудь посоветуете, как специалист.

– Я бы рада, но у меня тоже отпуск. Поэтому и не ответила на ваш звонок сразу. А завтра вообще улетаю. Но в офисе остаются мои коллеги, вы можете к ним зайти с утра. Или ко мне через две недели, если не очень торопитесь.

– Тороплюсь. Но хотелось бы именно с вами поговорить... – Он сам удивился такой формулировке, и на всякий случай добавил: – Я помню, вы так интересно рассказывали про все эти острова.

– Ну-у, если так интересно... Смотрите, сегодня вечером моя подруга отмечает день рождения в «Гоголе». Приходите часов в девять, там и поговорим. Это Столешников переулочек, знаете?

Он ответил, что да, обязательно придёт. А когда уже дал отбой, понял, что не спросил её имя. И даже не помнит, как она выглядит. Кажется, маленькая и темноволосая. В общем, не в его вкусе, потому и не запомнил. Хотя голос...

6. Калембаса Хины

Разбудил его запах какао. Она сидела напротив в махровом зелёном халате, держа в руках большую оранжевую кружку. Мокрые чёрные волосы змеились по плечам. За окном по-летнему сияло солнце.

Нет, сейчас только март, вспомнил он. Но всё это вместе – солнце, запах какао, девушка с мокрыми волосами... И правда, такое чувство, будто за ночь календарь перемотали на июль.

– Будешь? – Она качнула кружкой. – Или сначала в душ?

– Да, – сказал он, и она засмеялась:

– У тебя такое удивлённое лицо. Помнишь хоть что-нибудь?

– Смутно.

– Ну ещё бы. Шесть лонгайлендов. А меня зовут Инна.

Он пошевелил головой. Нет, никакой похмельной боли. А вот с памятью точно проблемы. Всплывают только фрагменты.

В «Гоголе» он легко нашёл их, там была лишь одна большая компания, отмечающая день рождения. И девушку эту из турагентства узнал сразу. И сразу удивился, какая она симпатичная – и как он этого не заметил раньше? А вот потом

завертелись эти самые коктейли, рок-н-ролл, снова коктейли... и последняя картинка в тёмном коридоре около двери её квартиры, шутки по поводу ключа, который она никак не могла найти в сумочке, и как он неожиданно обнял её сзади, когда она собиралась открыть дверь... и как она уронила ключ.

– Ладно, выпей всё-таки сначала. – Она протянула ему оранжевую кружку. – А то так и будешь сидеть в ступоре, придётся даже слова тебе подсказывать. «Прошлая ночь была ошибкой, я ничего такого не собирался», да?

– Вовсе нет. Никакой ошибки. – Он взял кружку, но пить пока не стал, просто закрыл глаза и вдохнул ароматный пар. Понаблюдал, как внутри, в темноте опущенных век разливаются сонный свет. Очень не хотелось покидать этот провал в лето.

– Но у тебя до сих пор такое лицо, будто ты призрак увидел.

– Это другое. – Он поставил кружку на пол. – Я удивился, что не заметил тебя раньше, когда к вам в офис приезжал. То есть я видел тебя, но... Такую красивую не видел.

– Я же говорю, шесть лонгайлендов.

– Нет-нет. Ещё до того, как пить начал. Как бы объяснить...

Она прилегла рядом, подперев щеку рукой. В карих глазах светилось любопытство.

– Вот слушай. После первого курса универа я приехал к родителям на каникулы. И мне там приснилось, что я встречаюсь со своей бывшей одноклассницей. Как будто мы с ней начали встречаться ещё в школе, в старших классах. Знаешь, бывают такие очень реальные сны, когда всё происходит прямо в твоём доме, и нет ничего фантастического... и когда ты просыпаешься, ты даже какое-то время не понимаешь, что это был сон.

– Ага.

– И самое удивительное, что это была не та одноклассница, в которую я был влюблён в школе. А совсем другая, с которой у меня... ну, просто приятельские отношения были. То, что она симпатичная, я даже и не замечал. А в этом сне как будто заметил: она пришла ко мне домой уроки делать, и в какой-то момент у нас всё случилось. И это так спокойно и естественно произошло во сне, безо всякой стеснительности или любовных надрывов. Потом она ко мне снова приходила, и мы опять делали вид, что занимаемся уроками, скрывшись от родителей в моей комнате... в которой я и проснулся после этого сна. И первая мысль была, что мы с ней сегодня опять встретимся. А потом я вспомнил, что ничего такого не было, и что после школы я вообще ни разу её не видел.

– Нашел её потом?

– Неа. Уехал обратно в универ.

По её лицу пролетела какая-то тень, но она быстро смахнула это выражение вместе с упавшей на глаза мокрой пря-

дью.

– Зато ты хорошо байки трaviшь. Даже в трезвом виде.

Это замечание как-то кольнуло. Егор сразу почувствовал, что лежит голый в чужой постели. Он огляделся, увидел на полу свои джинсы. Из кармана торчала верёвка.

– О, слушай, я же хотел у тебя проконсультироваться...

– А я было подумала, это такой оригинальный подкат к малознакомой девушке. Про старика с верёвкой, да?

– Эээ... видимо, уже спрашивал, но ничего не помню.

– Да, ты быстро съехал с этой темы на более весёлые истории.

– О чёрт. Надеюсь, приличные.

– И даже научные! – Она изобразила серьёзное лицо, но не сдержалась и хмыкнула. – Моей подруге-имениннице особенно понравилась теория о том, почему девочки в барах всегда ходят в туалет вдвоем, а мальчики поодиночке, хотя мальчикам технически было бы удобнее... А ещё, когда ребята из банка рассказывали, как их мучают тимбилдингом, ты прогнал целую телегу про спермовые войны. Типа того, что учиться тимбилдингу надо у сперматозоидов, которые то ли группами собираются, чтобы быстрее плыть, то ли жертвуют собой, чтобы чужаков не пустить к яйцеклетке...

– Всё-всё, я понял, что набрался основательно.

Егор подтащил к себе джинсы, выудил из них трусы и носки – надо же, хоть и в пьяном виде, а умудрился снять всё сразу. Он оделся, поискал глазами рубашку, и тут понял, что

слишком явно торопится. Сел обратно на кровать, взял с пола кружку.

– Про гусей-то я хотя бы не рассказывал?

– Нет. А что с гусями?

– Это у наших друзей такая внутренняя шутка, означающая крайнюю степень... научной объективности. Когда диспут кончается мордобоем. Моя подруга любит тусоваться с актёрами, и однажды на такой тусовке какой-то мужик спросил, смотрел ли я фильм «Бабло». Я говорю, вроде да, это же то самое кино о настоящей гомодружке, где пара налоговых гомоинспекторов прессует пару гомобизнесменов, а те сдают их в гомополицию и опасно расслабляются, поэтому чемодан с деньгами похищает парочка гомогрузин, но в итоге после нескольких стычек гомогопников с гомоохлами вопрос разрешают два гомочиновника старой формации... В общем, говорю, одно хорошо в этом фильме, что он короткий, в отличие от «Властелина колец», где людям приходится девять часов смотреть то же самое: группа симпатичных мальчиков бежит с ювелирным украшением и долго обнимается в финале...

– И что, синефилы тебя за это побили?

– Не, не за это. Пока я про кино говорил, мужик этот просто мрачнел, и вроде собирался уже отойти. Я так понял, что он имеет отношение к фильму, ну и решил его успокоить. Знаете, говорю, у гусей ведь то же самое. Знаменитый фашистский этолог Конрад Лоренц прекрасно описал, как оди-

нокие гуси-самцы объединяются в сладкие парочки и получают адаптивные преимущества в стае, причём секса у них нет, только чистая пацанская гомодружба. И надо ж такому случиться, как раз в этот момент к мужику подходит какой-то дружок и обнимает его за плечи. Тут самое странное, что их именно гуси задели, а не всё остальное...

Он замолчал, оглядывая жилище Инны – маленькое, но уютное. В комнате целых три окна, отчего и возникает такое необычное летнее ощущение. Дальняя часть комнаты отгорожена чем-то вроде бара, с той стороны виднеется газовая плита и раковина. Видимо, это однушка в хрущёвке, просто убрали стену между комнатой и кухней, и получилась такая светлая студия. И все вещи – на расстоянии вытянутой руки: если работаешь вот тут за столом, можно и до шкафа с книгами дотянуться, и до холодильника. Удобно.

Инна тоже молчала, наблюдая за ним. Но когда он наконец отхлебнул какао, она потянулась через кровать и выдернула торчавшую из его кармана верёвку.

– Я вчера тебе сказала, что не могу помочь в поисках старика с верёвкой. Но сейчас как-то в тему вспомнилось. Там на Гавайях, когда я группу возила прошлой осенью, один местный клеился на пляже... Узнал, что меня зовут Инна, и рассказал сказку.

Она перевернулась на спину и подняла вверх левую ногу. На фоне раздвинувшихся пол тёмно-зелёного халата эта но-

га казалась удивительно белой. Инна набросила верёвочную петлю на большой палец ноги, и две петли на запястья. Потом сделала пару быстрых движений... Между руками и ногой появилась треугольная верёвочная фигура, напоминающая ракету-носитель. И немного похоже на то, что делал старик на руке Егора. Хотя внутри треугольника картинка всё-таки другая.

– Это калебаса Хины. Она была женой гавайского героя Мауи, полубога-полужулика. Но жена у него не особенно героировала. Скучающая домохозяйка, в общем. Делала тапу, ходила за водой да за фруктами со своей калебасой. Вот однажды пошла Хина за водой, а там её подстерёг морской бог в виде угря. И взял девушку силой. У тебя, кстати, два угря на носу, ты вполне мог бы сойти на царя угрей. В общем, на следующий день Хина снова пошла за водой.

– Напоминает старый анекдот...

– Ага, «завтра опять пойду». И конечно, он её снова... Ну, когда живёшь в виде угря, чего тебе ещё делать с девушками? На третий раз Мауи заметил, что жена как-то мало фруктов приносит, да и воды в доме нет вообще. И начал он её пилить. А Хина говорит, так мол и так, боюсь змея морского. Мауи пообещал со змеем разобраться. И вправду потом порвал его на куски. Но до этого он так долго пилил Хину, что она сказала – да идите вы оба куда подальше. А потом подумала – и сама пошла, взяв с собой любимую сумочку от Диора, то есть калебасу вот эту. Сначала хотела на

Солнце забраться по радуге, но там жарко. Тогда она пошла по лунной дорожке прямо на Луну. И до сих пор там сидит, из калебасы кормит звёзды.

Инна опустила ногу на кровать и вернула Егору верёвку.

– Я сначала решила, что этот местный на ходу сочинил байку. Но со мной была подруга из Казахстана, она сказала, что у них тоже есть миф про девушку, которая ушла на Луну с коромыслом и вёдрами.

– Классно! Только дурацкий вопрос... У тебя муж есть?

Она рассмеялась.

– Это надо было вчера спросить, царь угрей. Да, есть так называемый «молодой человек». К нему и лечу сегодня. Учились вместе в медицинском, потом он решил учиться дальше в Европе, а я тут осталась. Видимся теперь только в отпусках. Похоже на твой сон с одноклассницей: я его так редко вижу, что иногда кажется, это какая-то альтернативная реальность. Вроде сна, который затянулся.

– Так ты по образованию врач?

– Я и по работе почти что врач. Многих людей переезды лечат лучше, чем лекарства.

– Да, пожалуй. А покажешь ещё раз, как делать эту... каллебасу?

Она снова выпростала из-под халата белоснежную ногу, пошевелила пальцами и посмотрела на него. Он полез в карман за верёвкой – но белая нога тянула к себе и без верёвок. Он взял в руки её маленькую ступню, медленно повёл ладо-

нями по ноге вниз, и дальше вдоль бёдер, вытаскивая её всю из халата. Джинсы снова полетели на пол.

– Извини, в этот раз слишком быстро.

– Не парься. Мне хорошо. – Она поднялась на локте, заглядывая ему в лицо. Видимо, на лице ещё отражалось недовольство: по утрам у него всегда получалось хуже.

– Знаешь, мой молодой человек тоже напрягался по этому поводу. Наверное, у всех мужиков есть такой комплекс про «слишком быстро». В итоге он начитался книжек про тантрический секс и научился затягивать процесс на целый час. Вначале забавно было, но потом каждый раз такое занудство... почти как школьная физкультура. А мне, наверное, нужна такая вот звериная спонтанность, как у тебя.

На улице его встретил холодный ветер, под ногами хлюпала снежная каша, и хотя солнце продолжало палить, ощущение лета быстро улетучилось. Мысли тоже стали прохладнее: он шёл и размышлял о том, насколько правдив её рассказ про тантрическое занудство. Утешительная сказка на прощанье? Хотя звучит убедительно. Но ведь хороший турагент, как и хороший рекламщик, должен уметь рассказывать...

Однако ещё один внутренний собеседник, необычайно спокойный, заметил, что с точки зрения такого промозглого марта весь этот провал в лето кажется нереальным. Поэтому надо либо совсем забыть этот солнечный сон с зелёным хала-

том и запахом какао, либо принять историю полностью, как есть, и просто радоваться, что с тобой случилось необычное.

###

Высокие берёзы качаются на ветру, подметая мраморное небо над кладбищем. Холодно, но уходить не хочется. Хочется и дальше смотреть на берёзы. Ни зелени, ни шелеста листьев пока нет, но все равно приятно наблюдать эти гипнотические движения веток туда-сюда.

Наверное, это память раннего детства, когда лежишь в коляске во время долгих прогулок и всё время видишь над собой деревья, которые качаются. Или даже более древнее что-то, когда за ветви надо было хвататься лапами. Отличная тема для новой формы психотерапии: собираешь офисных го-моцапов и заставляешь лазать по деревьям. Можно ещё возродить моду на трости, хотя тут полиция будет против...

А может, это и не всем нужно. Просто заморочки провинциала. Так или иначе, в большом городе Егору не хватало деревьев. Этот лайфхак с кладбищем он придумал ещё позапрошлым летом, убегая сюда от многолюдных офисов и бензиновых улиц. Он бы и совсем перешёл на домашнюю удалёнку, но Паша требовал присутствия на встречах, происходивших в офисе почти каждый день.

С жильём проще: квартиру они с Ольгой сняли на юго-западе, в пяти минутах ходьбы от большого парка 50-летия

Октябрь, где особенно приятно осенью, когда все деревья разноцветные и хорошо видна нелинейная планировка посадок: там кольцо из сосен, там круг рябин, там берёзы хоро- водом, прямо такие языческие капища со всех сторон.

Правда, сам дом, где они жили, стоял на улице без дере- вьев. Но тут у Егора был другой лайфхак против города: бал- кон. Первые два года он экспериментировал с разными выю- щимися растениями вроде бешеных огурцов, и в конце кон- цов остановился на декоративной фасоле с фиолетово-розо- выми семенами. Это точно какой-то растительный гипноз: он мог легко просидеть на балконе более получаса, просто глядя на колышущиеся занавески из зелёных листьев и мел- ких красных цветов... и удивляясь, когда взгляд перебежал на голые балконы всех соседей вокруг.

Один только раз на балконе дома напротив появились цветы. Но не успел Егор обрадоваться появлению братьев по разуму, как под цветами повесили плакат «Голосуй за Навального». На следующий год уже не требовалось голо- совать, и цветов у соседей напротив больше не было. Види- мо, они не умели поклоняться природе честно и прямо, им приходилось делать это через ритуал выборов, который слу- чается лишь раз в несколько лет и отличается от классиче- ских жертвоприношений тем, что обожествлённое животное не убивают и не съедают, а просто отмечают его имя на бу- мажке, и бросают бумажку в жертвенную урну. К следую- щим выборам надо продать какому-нибудь ресторану идею

съедобных бюллетеней, решил тогда Егор. И сервировать их в урнах, конечно же.

Ноги всё-таки замерзли. Пора на работу. Он вышел с кладбища и зашагал к офису, но случившееся по дороге кафе позволило растянуть прокрастинацию. Ожидая, пока варится кофе и греется пара круассанов, Егор и сам оттаял. А потому, прихватив свой завтрак, пошёл к другому местному заместителю парков – психиатрической клинике имени Алексеева.

Иногда летом он проводил тут целые рабочие дни, сидя с ноутом на скамейке. До офиса рукой подать, на встречу всегда можно подойти, а по клавишам тыкать гораздо приятнее здесь, у тихого пруда с деревьями. Удивительный район: самые приличные места – у психов и покойников. Анти-мир. А вот этот круглый пруд Бекет – настоящий анти-остров посреди асфальтового анти-океана.

Нет, город должен быть устроен совершенно иначе. Как Одесса или Севастополь. Ладно, пусть сверху будет деловой центр, с чёткой декартовой решеткой улиц и зданий. Это сознание города, тюрьма рационального. Но тут же рядом, за углом, должна быть лесенка в городское подсознание: заброшенные сады на склонах, тёмные аллеи дендрариев, обрывы и овраги, где торчат наружу пласты других эпох и бегают бродячие собаки. А в самом низу, когда прошёл через весь этот лабиринт – вдруг открывается море. Ни слов, ни времени, только спокойный шорох волн по гальке.

И даже если у города нет лестницы к морю, ты всё равно её ищешь. Наверное, это как с деревьями: древняя память, которая вечно толкает искать выход к воде. Даже вон у президента: то Сочи, то Крым. Надо предложить Паше запустить такой мемчик, фейковую новость про перенос столицы на юг.

Ну вот, мысли вернулись к работе. Стало быть, послеотпускной сплин отпускает. А все эти поиски верёвочной магии, приключение с Инной – просто последние приветы того сплина. Пора с ним завязывать. И Ольге надо позвонить...

– Давай сделаем рыбу, – сказал детский голос за спиной.

– Сначала кошачий глаз! – сказал другой голос.

Егор обернулся. Позади скамейки стояли девчонка и мальчишка, лет по шесть, похожие на космонавтов в своих цветных комбинезонах. На руках у девчонки натянута рамочкой верёвка, с двойным крестом посередине. Мальчишка подцепил верёвку пальцами там, где перекрещивалось, крутанул руками в стороны и вниз, и теперь верёвочная рамка оказалась у него на руках, но с другой фигурой.

– А мне можете показать? – спросил Егор.

Дети посмотрели на него с опаской.

– Маша, Дима, что вы там мешаете людям! Идите сюда! –

От группы детей на площадке отделилась женщина в пуховом платке.

– Я хотел спросить, что это за игра, – обратился к ней

Егор. – Хочу тоже научиться... дочке показать.

Женщина поглядела на него с таким же подозрением, как и дети.

– Посмотрите в Интернете. Называется cat's cradle, «кошачья колыбель».

– Спасибо!

Егор выхватил смартфон и открыл поисковик.

– Можете ещё по запросу «string figures», – добавила женщина, смягчившись. – На Youtube есть много роликов. Маша и Дима, пойдемте, пора в сад возвращаться.

Когда перед ним появились картинки с верёвками, он понял, что на маленьком экранчике не разглядеть деталей. Теперь точно пора в офис.

7. Здравоохранение

Фигура, похожая на тот самый «гарпун», нашлась на японском сайте. Правда, там она называлась «метлой». И как сделать из неё рыбу, в ролике не показывали. Потом он нашёл пару отдельных верёвочных рыб, австралийскую и индейскую. Обнаружилась даже «ловушка для рыбы» в коллекции фигур из Гайаны. Всё похоже, но не то.

Странная культура верёвочных игр оказалась гораздо разнообразнее, чем он ожидал. Видимо, когда-то на этом пальцевом языке говорили все побережья и острова Тихого океана. Егор добавил в поисковый запрос слово «hawaiian» и только начал просматривать скан гавайского этнографического исследования 1928 года, как прямо перед ним нарисовалась серая шерстяная юбка с верёвочным пояском. Вера подошла незаметно и стояла вплотную к его столу.

– Его-ор... – сказала она вкрадчиво. – Ты не очень занят?

Он поднял глаза, собираясь сказать, что очень. Но на лице у Веры была написана большая печалька. Ему даже показалось, что Вера похожа на какую-то известную певицу, такую же рыжую и печальную. Но он не смог вспомнить, какую.

– Что случилось?

– Там к Паше пришёл какой-то тип... кажется, из ФСБ. Спрашивает про аптеки. Паша очень нервничает, по-моему.

Может, ты зайдешь к ним?

– Хорошо.

Он закрыл лишние окошки на мониторе.

Аптеки. Это было ещё в октябре. Знатная вышла хохма. Заказчик, здоровенный такой боров-армянин в кремовом костюме и розовом галстуке, похожем на раздавленный член коня, вальяжно развалился на диване в пашином кабинете – прямо хозяин жизни. Поэтому Егор не стал «мягко вводить в тему», как они планировали, а вместо этого рубанул с порога:

– А вы разве не идёте на митинг? На Сахарова, через полчаса уже!

Владелец сети аптек нахмурил и без того мохнатые брови.

– Я на такие мэропрыятия нэ хажу.

– Почему же? – невинно спросил Егор, прекрасно зная о его активной позиции в партии «Единая Россия». – Там собираются замечательные люди...

– Толька бальные там сабыраюца! – выпалил аптекарь.

– Правильно. Больные. Ваша целевая аудитория.

– Мы провели для вас небольшое исследование... – подключился Паша, выхватывая листок с таблицей. – В каких СМИ лучше всего работает реклама лекарственных препаратов. Угадайте, какая радиостанция на первом месте?

Надо отдать должное аптекарю, врубился он быстро:

– «Эхо Москвы»?

– Бинго! Вот мы и подумали... ну так, в порядке бреда... там на Сахарова всего одна из ваших аптек, и то не у места митинга, а дальше по проспекту. Но есть другие площадки в городе, где ваша аптека прямо на углу, или даже две аптеки с разных сторон. И если была бы возможность устраивать митинги оппозиции именно на таких площадках, число ваших покупателей заметно увеличилось бы. Мы называем эту концепцию «мопинг», как объединение митинга и шопинга.

Но эта идея так и осталась шуткой, насколько помнил Егор. Аптекарь купил у них лишь то самое исследование, а также размещение своей рекламы на «Эхе» и в парочке других СМИ для любителей свободы и лекарств. При чем тут ФСБ?

– Заходи, заходи! – Паша с видимым облегчением обернулся к человеку, сидящему напротив него в кресле. – Это Егор, наш научный консультант. А это Николай из... органов безопасности.

Эфэсбэшник выглядел как-то простовато. Похож на нашего вечно невыспавшегося сисадмина Жору, подумал Егор. Такая же белая рубашечка-поло, джинсы линялые. И стрижка почти что «под горшок». Вот так думаешь о человеке заранее чёрт знает что, насмотревшись фильмов – а он по жизни не сильно от тебя отличается. Тоже небось на рок-концерты ходил, пиво пил с друзьями, а теперь погряз в канцелярской работе, где надо целыми днями писать планы и отчёты.

– Я тут рассказывал Николаю, что наше предложение господину Асланбекову по поводу митингов в местах расположения его аптек было просто приколом. – Паша механически улыбался, словно конферансье в цирке. – Мы разместили его рекламу на нескольких сайтах, но больше никаких услуг не оказывали.

Николай перевёл сонный взгляд на Егора.

– Ваша идея с мопингом?

– Моя. Но...

Эфесбешник поднял руку.

– Знаю, знаю. Доктор Асланбеков решил попробовать без вас. К счастью, его дело быстро передали в наш отдел. Отличная идея, парни. Сейчас мои коллеги её прорабатывают. И не только с аптеками. А я решил зайти к вам посоветоваться. Есть другая задача, противоположная.

– В смысле? – не удержался Егор. – Не больных лечить, а здоровых мочить?

Николай посмотрел на него с какой-то вселенской печалью. Нет, не такой уж простак. Наверное, их специально обучают так непрезентабельно выглядеть, чтоб легче входить в доверие к публике. Егору представился подвал на Лубянке: слева пыточная, справа лаборатория со шпионскими гаджетами и оружием. А посередине – гардероб, где выдают рубашечки-поло и тёртые джинсы. И стрижку делают «под горшок». Но взгляд всё равно жёсткий.

– Мы как раз беспокоимся о здоровье города, – сказал Ни-

колай. – В Думе сейчас обсуждают новый законопроект касательно выгула собак. Будут значительно повышены штрафы за отсутствие намордника, а также за испражнения в публичных местах. Оппозиционные политики решили воспользоваться недовольством собачников. И созывают их на митинг. В следующее воскресенье, на Пушкинской. Вместе с собаками. Не исключены целевые провокации. Проще говоря, они собираются засрать центр города. Я знаю, вы специализируетесь на создании полезных сообществ... а тут надо наоборот. Мирно разобщить деструктивную толпу. Мы могли бы просто запретить митинг или объявить о переносе в другое место. Но прошлый опыт показывает, что это не лучшее решение. Есть другие идеи?

– А разве этим не занимается Центр «Э»? – тут же спросил Паша.

– Занимается. Но по старинке. Они стараются выявить зачинщиков-экстремистов. Организаторы протестов знают это, и привлекают такие сообщества, которым не пришить экстремизм. Вот сейчас эшники даже не могут определить, какой отдел у них должен заниматься этим собачьим флэшмобом.

Собеседники молчали. Паша переложил какие-то бумажки на столе. Егор теребил верёвку, намотанную на запястье.

– Боюсь, что наше агентство тоже не... – начал Паша, но Егор перебил его:

– Собакам лучше жить на дачах. А в городе они опасны,

особенно в таких количествах, как сейчас. Горожане заводят их по большей части от одиночества, чтобы компенсировать недостаток интимных контактов. Поэтому... открывайте больше танцплощадок. А ещё лучше – регулярные карнавалы. Большинство «сытых демонстраций» последних лет связаны с банальным недостатком коллективной движухи.

Николай кивнул.

– Согласен. Но до воскресенья не успеем. Что мы можем сделать сейчас?

– Ну... Собаки не любят ультразвук.

– Прорабатывали такой вариант, да. Но тут желательно не применять спецсредств. Будет утечка, зарубежная пресса моментально раструбит про жестокое обращение с животными.

Егор задумался. Перекинул верёвочную петлю на вторую руку. Как там делала малышня в парке? Нет, не запомнил.

Инструкции к этой игре он нашёл сразу же, как добрался до офиса. Вернее, сначала по запросу «cat's cradle» вылетела куча ссылок на тягомотный роман Воннегута, не имеющий отношения к делу. Потом стало ясно, что тем же термином называют любые верёвочные фигуры.

Но классическая «кошкина колыбель» – это действительно игра на двоих, где надо снимать «кресты» друг у друга. Причём этнографы до сих пор не договорились, откуда произошло такое странное название. Егору больше всего понравилась морская версия. Игра попала в Европу где-то в XVII

веке, когда началось активное плавание через Тихий океан. На тамошних берегах верёвочные игры назывались по-разному, но у европейских матросов возникла собственная ассоциация. В то время на каждом корабле держали кошку для борьбы с крысами. А спала корабельная кошка в маленьком верёвочном гамаке...

Все эти ссылки он лишь бегло просмотрел с утра и отложил на будущее, поскольку хотел сначала найти гавайский «гарпун», который превращается в «рыбу». Так и не нашёл. А теперь ещё и собак разгонять надо. Прямо не день, а зоопарк.

Но кстати... Егор снова собрал верёвку на левом запястье.
– Тогда используйте кошек.

Он заметил, как выражение скуки слетает с лица Николая.

И продолжил:

– Ну, в порядке бреда, как у нас говорят... Можно объявить на том же месте сбор кошатников. Выставка редких пород, благотворительная раздача котят, что-то такое.

– Хмм.

Николай вжикнул молнией своей чёрной папки и вытащил... точно такой же бежевый молескин, как у Егора. Нам миг Егору даже представилось, что это именно его записная книжка, выкраденная пронырливой спецслужбой. И что эф-эсбешник сейчас прочтёт оттуда вслух какой-нибудь опасный пассаж из его отпускных записей. Например, о том, как огромная тридакна захлопывает свои волнистые фиолетовые

губы-створки, когда проплываешь над ней, а при случае может и руку оторвать тому, кто полез туда за жемчугом...

Но нет, Николай открыл собственный молескин на первой странице – она была ещё чистой – и записал там пару слов.

– А вы могли бы помочь анонсировать такое мероприятие?

– Нет, – резко вмешался Паша. – Мы делаем проекты с длинным циклом, а здесь нужен массовый вброс в ближайшие дни. Причём анонимно. У нас на такое нет ни средств, ни времени.

– Но вы же сотрудничали с «Грейдом».

– Я бы не назвал это сотрудничеством. У нас был общий заказчик. – Теперь Паша говорил медленно, взвешивая слова, из чего можно было заключить, что его сильно задела. – Мы сотрудничали с алкогольным брендом. Разработали для них геолокационное приложение «На троих». Что-то вроде сервиса знакомств с дополненной реальностью. Заказчик пожелал раскрутить эту игру не только нашими силами, но и методами скрытого маркетинга. И воспользовался услугами «Грейда». Но мы к подобной раскрутке непричастны.

– У вас такие высокие моральные принципы? – Эфесбешник смотрел на Пашу без улыбки, но Егору показалось, что он всё-таки прикалывается. Пожалуй, надо помочь гендиректору.

– Просто разные методы работы. – Егор изобразил руками нечто вроде шара перед собой. – Мы создаем группы, фору-

мы, тусовки по интересам. А «Грейд» засекает туда своих кре... э-э... спамеров разных.

– Кремлеботов? – уточнил Николай.

– Да, все знают, что у них господдержка. Основатели «Грейда» – бывшие комиссары «Наших». Поэтому они ни с кем не хотят договариваться. И нас это расстраивает. Они разрушают экологию наших сообществ.

Николай сделал ещё одну пометку в записной книжке.

– Что ж, у меня больше нет вопросов. Спасибо за помощь. Надеюсь, эта беседа останется между нами, и... вы же не против, если я ещё зайду как-нибудь посоветоваться?

– Конечно, заходите! – Паша вновь был само радушие. – А может, вы нам тоже какой-нибудь контактик оставите? Вдруг нам тоже совет понадобится...

– ...Например, если опять будут проблемы с таблетками на таможне? – продолжил Николай.

Паша застыл с открытым ртом. Николай хмыкнул, давая понять, что это просто шутка. Снова вынул молескин, написал номер, вырвал листок и положил на стол.

Он уже взялся за ручку двери, но вдруг остановился и посмотрел на Егора:

– Последний вопрос. Вы наверняка знаете исследования, в которых выявлена корреляция между объёмом неокортекса и размером устойчивой стаи приматов...

– Да, число Данбара.

– Но у вас, очевидно, возникают задачи создания сооб-

ществ гораздо более крупных, чем сотня человек. Как вы обходите данбаровское ограничение?

Вот блин. За три года Егору впервые попался человек, с которым можно поговорить о таких вещах. О том, что устойчивое сообщество должно быть фрактальным, как минимум трёхуровневым – а не тупой плоской сетью, которую легко взломать. О том, как организовывать входные барьеры, чтобы фильтровать нежелательные элементы. Как расширять права с учетом репутации, чтобы органы самоконтроля вырастали вместе с сообществом, а не навязывались извне. До хрена интересного в этой теме, на самом деле. Вся социальная морфология с её главным вопросом о том, насколько структура сообщества определяет верования этого сообщества – и наоборот.

Егор покосился на Пашу. Тот всем своим видом показывал: не надо, и так уже лишка хватили.

– У нас более примитивные КРІ, – сказал Егор. – Число подписчиков, посещаемость, лайки... Мы просто нагоняем толпу.

– Ясно. Спасибо.

После того, как рубашка-поло скрылась в дальнем конце коридора, они ещё с полминуты стояли, прислушиваясь.

– Ты только что помог кровавым псам режима, – сказал Паша.

– А у тебя проблемы с таблетками, – сказал Егор.

8. Коньки и лошадь

В метро по дороге домой он снова просматривал верёвочные фигуры на смартфоне. Это было неудобно, приходилось растягивать изображение пальцами, а потом двигать из стороны в сторону, рассматривая подробности по частям. Он так увлёкся, что чуть не упал, когда поезд резко затормозил перед «Спортивной». В последний момент ухватился рукой за поручень – и заметил, что это опять левая.

Второй раз он потерял равновесие, когда вышел на улицу: там сильно подморозило, вся талая каша превратилась в скользкий хрусталь. Нет, мобилу надо точно убрать. Егор отряхнул коленку, на которую приземлился, и двинулся к дому, стараясь обходить зеркала застывших луж.

Огни станции метро остались позади, и на морозном небе проступили звёзды. Эх, а какие были звёзды на Гавайях! Не чета этим мутным... Хотя и на эти ты не обратил бы внимания, если бы не свалился и не спрятал мобилу. Вот тебе и адаптация: всего несколько дней надо человеку в городе, чтобы снова уткнуться в маленький экранчик и не видеть ни черта вокруг.

Он сбавил шаг, нашёл над головой Большой Ковш, потом Полярную и Кассиопею. Покрутился, разыскивая на другой стороне неба три звезды в ряд. Ага, вот Орион. От него по

линии пояса вверх – Альдебаран с Гиадами. А над ними чуть выше должна быть та самая сетка, которую грызла смелая гавайская крыса... нет, не видно. Отсюда не видно. Но где-то она там. Плеяды.

Во дворе возле дома звёзды опять исчезли: их глушили фонари над пустым катком. Егор вспомнил, что не катался уже больше месяца – аврал перед отпуском, потом отпуск, а потом вроде растаяло всё... Он дошёл до катка и убедился, что сегодня лёд вполне приличный. Надо пользоваться случаем, последние морозы.

Коньки пришлось выкапывать в шкафу из-под груды разноцветных ольгиных кроссовок. Как же по-разному люди занимаются спортом! Для самого Егора лучший спорт был спонтанным. Любая регулярная секция начинала раздражать его уже через месяц; другое дело – замутить что-нибудь на ходу, в текущем пейзаже. Есть море – ныряешь, есть компания – играешь в футбол... Ольга же в своём беговом увлечении напоминала свежееобращённого язычника. До этого она как будто и вовсе не занималась спортом, зато теперь включилась в процесс со всем рвением бывшей отличницы. И конечно, со множеством шоппинг-ритуалов: для каждого сочетания звёздного неба и дорожного покрытия нужны особые кеды, иначе никакого бегового счастья. А сами забеги – форменные паломничества, особенно если ещё краской обсыпают. И гуру с подкастами, желательно из каких-нибудь просветлённых мест: бежит чувак по Афганистану, в него там

стреляют из миномёта, а он знай себе рассказывает в Интернет, как правильно шнурки завязывать... Нет, мы уж как-нибудь без кедопоклонства.

Когда он вернулся на каток с коньками, оказалось, что не он один такой умный: по свежему льду уже нарезал круги какой-то юнец в красной балаклаве. Что-то необычное было в его катании, но Егор понял это лишь после того, как зашнуровался и сам вышел на лёд. Красная балаклава кружила по часовой стрелке, а обычно тут все ездят против часовой. Наверное, правшам удобнее сворачивать налево, за счёт более сильной правой ноги, и все остальные катаются в том же направлении, чтобы не врезаться друг в друга. Но сегодня каток пуст, и левша поехал, как ему удобней.

Егор тоже покатил по часовой, набирая скорость. Ну, никакой особой разницы. Говорят, есть такие винтовки, из которых левшам стрелять нельзя: горячая гильза вылетает прямо в глаз. На катке не так критично. Хотя, когда народу много, столкновения действительно возможны, если не будет этой молчаливой договорённости ездить всем в одном направлении.

Интересно, как они в политкорректной Америке договариваются? Там в последнее время много левшей. Должен же произойти красивый фазовый переход. Где-нибудь в Центральном парке Нью-Йорка главный каток, который всегда кружил против часовой, однажды вдруг закручивается обратно. И дальше лавинообразно, по всей стране, все катки

на левую резьбу переходят. И падает биржа, и выключается Интернет. Потом всё включается опять, но все спины уже в другую сторону крутятся, антимир победил. Ах да, некоторое количество людей улетело в космос, пока Земля меняла местами полюса. Но в остальном всё как обычно.

С пацаном в балаклаве они гонялись друг за другом около получаса. Когда тот ушёл, Егор сделал ещё пяток кругов в одиночестве, спиной вперёд, потренировал заднюю перебежку. На обратном пути домой колени с непривычки гудели, а подошвы, опущенные после коньков в мягкие угги, казались огромными, словно хоббитские лапы.

Около подъезда кто-то построил ледяной замок: десяток здоровенных сосулек и ледяных глыб воткнуты в сугроб остриями вверх и ярко сверкают в оранжевом свете фонарей. Егор тут же ощутил, как здорово он промёрз на катке и как болят мышцы; но эти ощущения сопровождалось редким чувством полного погружения в реальность, с ясным и спокойным сознанием, точь-в точь как долгие заплывы в море, с отдыхом на полпути, на маленькой отмели, где можно вместе с улитками погреть спину о тёплую стену маяка...

После душа во всём теле разлилась приятная усталость. И голод проснулся зверский. Последние дни он питался в кафешках: без Ольги было лень готовить дома на одного. Но сегодняшнее погружение вело своим путём. Он быстро поставил вариться рис, очистил и нарезал лук, бросил на сковороду с маслом. Вынул из холодильника пачку заморожен-

ных мидий, подержал немного под струей тёплой воды, чтобы они оттаяли и разделились, добавил мидии к золотящемуся на сковороде луку, потушил минут десять. Вывалил туда же почти готовый рис, перемешал и оставил на медленном огне.

Ну и всё. Кто скажет, что у нас нет моря? Запах уже есть, вкус сейчас будет.

Он собирался ещё сделать кофе, но обнаружил в кухонном шкафу пакет какао-порошка. Странно, почему они с Ольгой никогда его не пили? Спустился в магазин за молоком, и прибежав обратно, сварил целый ковшик какао. И только после этого набросился на рис с мидиями.

А затем открыл ноут и взялся за верёвочные поиски более основательно.

###

Большинство роликов в Интернете показывают, как делать простые фигуры, вроде «чашки с блюдцем» и «лестницы Якова». Их обычно и записывают как пособия для детей. Но Егор понял, что копать нужно глубже, когда добрался до настоящих этнографических исследований начала XX века. Видимо, тогда случился какой-то особый бум в изучении традиций малых народов. И чем больше он читал эти сканы пожухлых журналов с рисованными иллюстрациями, тем больше восхищался странными людьми, затевавшими такие

экспедиции.

«Я хочу исследовать места, где влияние белых минимально – пока не поздно», написал в 1905 году американский археолог Джордж Гордон. А потом сел в каноэ и поплыл через неизведанную Аляску к морю. Скромный куратор музея, делавший мировые открытия.

Были такие люди и среди соотечественников. Их имена слышал любой на кафедре антропологии, но лишь теперь они перестали быть для Егора абстрактными незнакомцами. Описание чукотских верёвочных фигур он нашёл в знаменитом трёхтомном исследовании Владимира Богораза, написанном после двух экспедиций конца XIX века – Сибиряковской и Джезуповской. В первой Богораз проехал более 13 тысяч километров на собаках, оленях и байдарках по Якутии. Во второй – проделал почти такой же путь по берегам Берингова пролива и Охотского моря. Игра с верёвкой на пальцах, писал он, распространена у чукчей от берегов Тихого океана до самой Колымы, а в былые времена эту игру знали и коряки, и камчадалы, которых до этого никто не изучал как следует.

Увы, после Богораза их изучали ещё меньше. Его книга «Чукчи. Материальная культура», опубликованная в 1904 году в США, вышла на русском лишь через девяносто лет после американского издания.

Ещё меньше повезло работам его ученицы Юлии Аверкиевой. В 1930 году американский антрополог Франц Боас

отправился изучать индейцев племени квакиютль на остров Ванкувер – и пригласил с собой 23-летнюю выпускницу геофака ЛГУ, поручив ей собрать информацию о верёвочных играх индейцев. Итоговый 400-страничный отчет Юлии содер­жал детальное описание более 100 фигур. До сих пор это самая объёмная коллекция, собранная у одного племени... но её никогда не публиковали в России, да и в США издали только в девяностые. До этого научная работа Аверкиевой, пы­лившаяся в виде рукописи, считалась нелегальной, потому что Боас провёз русскую студентку на канадский остров без визы. А там она совершила ещё более ужасное преступ­ление: описала в своем исследовании индейский обряд без­возмездной раздачи вещей, известный как «потлач» и запре­щенный в то время в Канаде. Ну а на родине, вскоре после американской экспедиции, Юлю исключили из комсомола и выгнали с работы в Музее антропологии и этнографии «за потерю классово­й бдительности».

Но больше всего впечатлила Егора история новозеланд­ца Даймонда Дженниса, собиравшего в молодости верёвоч­ные фигуры Папуа-Новой Гвинеи. В 1913 году его позвали в канадскую арктическую экспедицию. До этого 27-летний Дженнис никогда не видел снега и не жил при температуре ниже нуля – но согласился ехать в Арктику без раздумий. В Беринговом море их корабль раздавили льды. Дженнис три года путешествовал в одиночку по арктическим побере­жьям, останавливаясь в семьях эскимосов и изучая их обы­

чаи. При этом его регулярно вырубали приступы малярии, которую он подцепил в своей предыдущей экспедиции на Папуа-Новой Гвинее. А потом ещё и Первая мировая началась. Тем не менее, домой он вернулся с крупнейшей коллекцией арктических верёвочных фигур. И за следующие столетия никто особенно не расширил эту коллекцию.

Да и кому её расширять? Не современным же говноблогерам с их «этнографическими экспедициями», где только фотки еды да жалобы на плохой Интернет.

Именно в эскимосском сборнике Дженниса нашлись «гарпун» и «рыба», наиболее похожие на то, что Егор видел на Гавайях. Однако у Дженниса эти фигуры были описаны по отдельности. Егор разучил, как делать «гарпун», и попытался вспомнить, какое движение сделал старик, чтобы вышла «рыба».

Кажется, снял одну из петель «гарпуна»? И сбросил петлю со второй руки? Но тогда вместо «рыбы» получается просто одиночная петля, съезжающая вниз. Он перепробовал кучу вариантов. Нет, не выходит.

Какао закончилось, часы на стене показывали начало первого. Пожалуй, хватит на сегодня. Он бросил верёвку на кухонный стол и пошёл мыть посуду. Крутанул мыльной губкой внутри ковшика из-под какао... и вернулся к столу. Картинка сама собой нарисовалась в голове: прежде чем сбрасывать петлю, нужно провернуть палец.

Итак, сначала «гарпун». Потом поворот, перехват петли

и сброс другой петли. Верёвочная рыбка проплыла по двум направляющим и уткнулась в ладонь.

Это был странный кайф, совершенно детская радость победы. Он усмехнулся, осознав, что за всё это время ни разу не задавался вопросом, нафига ему вообще понадобилось разыскивать и разучивать этот старинный верёвочный мультик...

Внезапное жужжание в темноте заставило вздрогнуть. На дисплее мобильного светился номер Ольги.

– Алло? – тихо сказал он в трубку.

– Здравствуйте. Одинокая блондинка двадцати шести лет желает познакомиться.

– Ты где?

– Съезжаю с ямского тракта на вашу просёлочную. Знаете, моя лошадь как-то странно хрипит.

– Я встречу.

Когда он спустился в тёмный двор, белая «тойота» как раз въехала на парковку. Её лицо в открытом окне машины... такое чувство, словно не виделись целый год.

– Сударь, не подскажете, как проехать в библиотеку?

– С превеликим удовольствием. Однако спешу доложить, в нашей уездной библиотеке каждый четвёртый четверг месяца – санитарный. Как раз сегодня проводят обработку хлором. Иначе донимают книжные клопы-с. А какой фолиант вас интересует?

– О, я слышала, у Карла Маркса вышел четвёртый том

“Капитала”. В нашем пансионе очень хвалят этого бел-летриста.

Он открыл дверь машины и подал ей руку.

– Какое совпадение! Мне вчера прислали полное собрание из Берлина. Листы ещё не разрезаны. Быть может, вы составите мне компанию в этом нелёгком труде?

– Охотно. Будьте любезны, прихватите мой сак-воаж.

В прихожей он наконец обнял её, она прошептала «А как же Капитал, сударь?», но тут же сама зарылась лицом в его распахнутую куртку. Однако ощущение долгой разлуки не проходило, они и в правду как будто познакомились снова. Снимая с неё одежду, он точно так же запутался с застежкой лифчика, как случилось когда-то давно, когда это было впервые.

###

Лишь после того, как она перестала стонать и они рухнули рядом на сырую простыню, Егор почувствовал, что в жизнь вернулось нечто привычное, что бывало уже не раз. Это не отменяло удовольствия, расслабленное тело ещё плыло по тёплым волнам, но голова уже понимала, что будет дальше. Он начал понемногу засыпать, и знал, что если это удастся, он увидит сейчас быстрый и яркий сон, просто звёздное небо или морского ежа, стерегущего кораллы. Но Ольге после секса всегда хочется болтать, и хотя она знает про его

засыпание, она долго не выдержит...

– Эй, ну не спи еще. Я тебя не видела целую вечность. И ты какой-то другой сегодня.

– Ты тоже.

– Да, наверно. Знаешь, мама сказала, что я за рулем совершенно другим человеком становлюсь. Я сначала отмахнулась, а потом понаблюдала... У меня это ещё не так сильно выражено, а вот у моей подруги Юльки такой контраст! По жизни она тихая принцесса Фиона, а как за руль сядет – просто адский Шрек, матерится и руками машет. Ты знаешь, почему так?

– Искажение проприоцепции.

– Теперь то же самое для блондинок, пожалуйста.

Значит, сон всё-таки отменяется. Егор открыл глаза и повернулся к ней:

– Проприоцепция – это чувство своего тела в пространстве. У тебя по всему телу тысячи датчиков в мышцах, и благодаря им ты всегда знаешь, где у тебя рука, где нога. Плюс твоя внутренняя модель своего тела знает всю его механику. Она знает, куда выставить руку, чтобы поймать мяч, и на какую коленку упасть, если поскользнешься. И вот представь, что у твоего тела появляются дополнительные части. Скажем, ты работаешь лопатой. Внутренняя модель тела меняется: теперь она знает, как двигаться, чтобы копать. Ты чувствуешь вес земли на лопате, хотя она не является твоей конечностью... но твоя внутренняя модель конечностей как бы

достраивается, понимаешь? Ну а теперь вместо лопаты возьми автомобиль. Руки на руле, ноги на педалях, спина через сиденье чувствует каждое движение кузова...

– Блин, это страшновато. У меня получается другое тело вообще, да?

– Другая внутренняя модель. И она влияет не только на твою навигацию, но и на образ мыслей. Когда ты обзываешь меня «тормозом» или рассказываешь, что тебя «заводит» – это говорит твоя автомобильная часть.

– Слуууушай... – Она прямо подскочила на кровати. – Так это же и уничтожает разницу полов! Я как бы добавляю себе новых железных органов, но они все «унисекс». Значит, в общей массе этого нового тела доля моих сисек резко уменьшается! И поэтому...

– Да, если ты напишешь про это в своём глянце, тебе дадут Пулицеровскую премию за открытие истоков феминизма. Заодно станешь первой пулецериаткой в стране. В названии статьи можешь обыграть тот факт, что слова «мышление» и «мышцы» очень похожи.

– Издеваешься, умник? Мстишь мне за то, что не дала тебе посмотреть твой маленький сон?

– Нет, я серьезно. Техника меняет людей в свою сторону. А поскольку у техники секса нет... Ну смотри, раньше фотки часто делали в полный рост и печатали на больших листах – потому что людей вообще тело интересовало. А теперь ты смотришь фотки на маленьком экранчике, где ни черта не

видно, если в полный рост. Поэтому ты делаешь что?

– Селфи! Мордокнига!

– Ага. Бог создал женщин с ногами разной длины, но «Инстаграм» сделал их равными.

– Если я такое напишу, меня захотят убить не только феминистки, но и завистливые коротконожки.

– Но у тебя же будет ещё история про автомобиль, забыла? Ты можешь её представить в позитивном ключе для коротконожек: как у них удлинится ощущение нижних конечностей за счёт педалей. Я вот, кстати, ненавижу просто так бегать – зато очень люблю на лыжах, на коньках, на велике. Видимо, то самое чувство...

– Теперь твоя теория оскорбляет даже мои прекрасные ножки!

Она согнула ногу и погладила его бедром по бедру, потом повернулась и прижалась спиной к его груди. Егор привычно положил руку ей под голову, и она ещё немного подвернула его предплечье к себе, словно подушку. Не очень удобно, но он знал, что так она быстрее заснёт.

– Ну всё, теперь говори мне перед сном всякие приятные вещи. Как ты рад, что я вернулась, и всё такое.

– Я очень рад. А ноги у тебя такие, что для них нужно срочно изобрести новый формат вертикальных баннеров – и размешать на уличных столбах.

– Мурр! Слушай, а секс тоже искажает эту... проприоцепцию?

– В какой-то степени. Если ты ощущаешь мое тело как своё... Хотя, с другой стороны, секс – штука естественная, она уже зашита в наши внутренние модели тела. Но вот если делать какие-то необычные движения, да ещё коллективно...

– Это ты про что? – Она подняла голову.

– Про акробатов в цирке. И религиозные обряды. И танцы.

– А-а. Ладно, давай спать.

Он проснулся от холода. Ольга уже перекатилась на свою сторону кровати, попутно завернувшись в плед, и мирно посапывала у стены. А он так и заснул голый. От этого, наверно, и сон вышел такой несуразный. Ему приснилось, что он переобувается в метро, причём вторая пара ботинок какая-то детская. Но тут налетела толпа, обе пары обуви унесло, и он остался босой. Он спрыгнул вниз с платформы, и там под платформой обнаружилось «Бюро находок», где ему выдали заштопанные резиновые сапоги кислотной расцветки. Он попытался обменять их на более приличные бежевые туфли в другом бюро находок на той же станции, но в итоге опять оказался в бегущей толпе и обувь опять унесло. Такой вот сон замерзающего.

Он встал, нащупал в темноте одеяло, свалившееся на пол во время их бурной встречи. Снова лёг, завернулся и согрелся. Но теперь захотелось пить.

За прозрачной кухонной занавеской ярко светила луна, и

он легко нашёл воду, не зажигая лампу. Лунный свет вспыхнул на гранях стакана. Он заметил, что держит стакан в правой руке. Тут же вспомнилось, что и верёвочную фигуру делал сегодня на правой.

А если запустить рыбку в левую руку, как тот гавайский старик... неужели снова станешь левшой и полюбишь брюнеток?

Да ну, бред. Однако желание проверить упорно боролось с разумными доводами. В качестве компромисса он решил сделать не «гарпун и рыбу», а какую-нибудь другую фигуру, чтобы успокоиться. Да просто любую другую. Включил ноут, развернул файл со ссылками, которые собрал за последние дни, и тыкнул в первую попавшуюся.

Блин, лучше бы не тыкал, подумал он, когда открылось окно браузера. Фигура называлась «две рыбы».

9. Нейронная сеть

Брюс Уиллис шёл вразвалочку по узкому коридору офиса. Позади семенила худенькая девушка в красном плаще, со здоровенной камерой в руках. Егор посторонился, но Брюс Уиллис поднял накачанную руку и указал пальцем прямо Егору в грудь. Если бы палец выстрелил, никто бы не удивился.

– Слышь, подскажи, где выход? – спросил Брюс Уиллис, чуть наклонившись вперёд. От него мощно несло перегаром.

– Прямо по коридору и нале... то есть направо. – Егор извернулся вдоль стены и махнул рукой в сторону лифтов.

– Пасиба, братан!

Брюс Уиллис ухмыльнулся одной стороной рта, прямо как в «Крепком орешке», и поплыл дальше. Девушка в красном тоже одарила Егора улыбкой. Паша стоял в стеклянных дверях своего кабинета и явно наслаждался этой сценой.

– Круто, да? Одно лицо!

Егор сглотнул, возвращая дар речи:

– Ты не говорил, что едешь на конференцию по клонированию.

– Ха, точняк! Заходи, расскажу.

Гендиректор закрыл дверь кабинета и плюхнулся на диван. Егор сел на подлокотник кресла у окна.

– Девочку с камерой видел? – возбуждённо заговорил Паша. – Прикинь, чего она замутила: модельное агентство без моделей. Главный инструмент – софтина для распознавания лиц. Она просто находит в соцсетях похожих людей по фоткам, на заказ. Может подогнуть тебе копию любой знаменитости. Мы с ней на кофе пару минут всего трепались. Я в шутку сказал, мол, нужно ролик сделать для одного банка, хорошо бы туда Брюса Уиллиса... И вот гляди, она его прямо живого привела. Мужик грузчиком работает. Можешь себе представить, сколько бы стоила съёмка с реальным Брюсом? А тут буквально копейки.

– Что за конфа-то?

– Да как обычно, новые технологии джигитал-маркетинга. Mail.ru и прочие лидеры вентиляторной промышленности. Я даже не хотел ехать, там в последние годы такая скука и самопиар сплошной. Но в кулуарах прикольно пообщаться, пара-тройка контактов полезных... Кстати, ты как относишься к искусственному интеллекту? Машинное обучение и всё такое.

– Как говорил известный луноход Нейл Армстронг, это такой большой шаг для всего человечества, что сейчас лопнут мои космические штаны.

– Не, ну серьёзно.

Как бы побыстрее отбрехаться? У Паши после таких мероприятий всегда начинался мандраж и жажда прогресса. Егору же просто хотелось вернуться к своим верёвкам.

– Если серьёзно, то лучшая самообучающаяся система – это новорождённый ребёнок. Ты бы доверил вести свой «фордик» новорожденному? Или подождал бы, пока он научится штаны надевать?

– Ха, Горыныч включил скептика. А зачем же наш президент везде рассказывает, что миром будут рулить те, у кого лучший искусственный интеллект?

– У него такая работа: защищать вложения спонсоров. Помнишь, ещё недавно Сбербанк хвастался другими планами? Мол, «будем предлагать криптовалютные решения». Но теперь бетховены падают, майнинговые фермы не окупаются. Вот они и придумали засадить свои простаивающие клумбы этой кукурузой. То есть искусственным интеллектом с алгоритмами хрущёвских времён. Просто ещё один хайп для продажи чипов.

– погоди, но ты сам мне рассказывал, как использовать рекомендательные сервисы, чтобы клиента хакнуть.

– Найти похожую картинку – примитив. С этим даже лягушка справится. К тому же ошибка в данном случае не фатальна. Даже если б нашему заказчику не подошла картинка с французским замком, нас бы не расплющило об стену, как тех ребят в «Тесле» на автопилоте. В общем, на игровых задачах с высоким уровнем допустимых ошибок вполне можно использовать машинное обучение. Если дизайнеров, эстрадных певичек и депутатов Госдумы заменить нейронными сетями, никто даже не заметит. Но в других сферах я бы не

спешил.

– А в маркетинге?

– Говорю же, нас за косяки не мочат, так что можно... Но помимо ошибок, тут ещё одна проблема: даже хорошо обученная нейросеть не сможет тебе объяснить, почему она поступила так, а не иначе. Там нет никакой явной логики, нет понятий. Просто тысячи весовых коэффициентов в тысячах узлов. Это знание никуда не перенести и никак не проверить. А людям во многих случаях требуется не только результат, но и обоснование... Вот тебе реальный кейс: мы с Ольгой прилетели из отпуска, едем на такси домой из аэропорта. Глубокая ночь, совершенно свободный проспект, можно так и гнать по прямой до нашего дома. Но таксист вдруг сворачивает на боковую улицу, чуть ли не в противоположную сторону. И тычет мне в навигатор: мол, я не виноват, мне так программа подсказала. Ну, рейтинг мы ему завалили ниже плинтуса.

– Во! Этот шаманизм меня тоже напрягает! – кивнул Паша. – Все кричат, что искусственный интеллект поможет нам разгрести Биг Дату, но на выходе опять какой-то «чёрный ящик» продают... Там на конфе один штрих рассказывал, как круто они умеют отслеживать маршруты посетителей торговых центров через хотспоты Wi-Fi, потом остается только сматчить эти данные с соцдемом. А следующий докладчик говорит: у нас и так всё матчится с тех пор, как приложения стали мобильными. Раньше соцсети только сетевую

активность собирали, а теперь через мобилы вся офлайновая жизнь юзеров как на ладони – геолокация, микрофон, камера, платежи... Вы, говорит, просто скажите нашей умной машинке, чего вы продать хотите, а она сама всех нужных клиентов выследит и сдаст. Чувак был из «Телеграма», кстати.

– Но ты же давно пользуешься такими умными машинками. Контекстную рекламу покупаешь?

– Там хоть что-то наглядное остается. Ключевые слова какие-то... У нас раньше один парень работал, просто гениальные трюки с контекстом мутил. Если надо было раскрутить сайт про валенки, он брал любые топовые запросы и составлял с ними объявления типа «Купи валенки как у Ольги Бузовой». Его банили нещадно, но иногда прокатывало. И главное, он мог всё объяснить...

Интересно, где этот парень теперь, подумал Егор. Прошедшее время в рассказе Паши навело его на неприятную догадку. Кажется, в последнее время он сам стал похож на ту нейронную сеть, что работает как «чёрный ящик». Ничего объяснить толком не может, зациклился на своей верёвке. А Паша тоже наблюдательный, наверняка почуял эту перемену... и решил подстраховаться. Ротация кадров в агентстве, если приглядеться, совсем не замедляется. И непонятно даже, то ли это свойство данной индустрии, то ли просто время такое.

По части расставаний с работодателями собственный опыт Егора был минимальным. Хотя в студенческие годы ему доводилось подрабатывать и грузчиком, и репетитором, и продавцом цветов, и статейки пописывать для научпопа, но такие работы изначально считались временными. Сайт, который они замутили с геологом, можно было отнести к той же категории – временами что-то перепало от размещения рекламы, но постоянный доход на проекте сделал только геолог, и уже без Егора. Как ни крути, пашино агентство стало его первой стабильной работой.

И он только сейчас осознал, что его представления об увольнении с такой работы основаны на фильмах да на родительских историях постперестроечной поры, с таким же киношным мелодраматизмом. Человек работает на хорошем месте много лет, и выгнать его оттуда может лишь какой-то ужасный кризис – банкротство, рейдерский захват предприятия – либо серьезный внутренний конфликт: тогда происходят многоходовые интриги, затяжные уходы на больничный, громкие суды за неправомерное сокращение штатов...

Здесь всё иначе. Никто дверями не хлопает, не ругается. Как правило, ушедшие из агентства люди вскоре всплывают в знакомых компаниях того же рода деятельности, из чего ясно, что все заранее готовят запасные аэродромы, смена места работы происходит быстро и аккуратно. Легко переставляемые легио-человечки: вчера был креативный директор Женя, сегодня креативный директор Андрей, и вот уже

все мы любим Андрея. Можно и научного консультанта так же спокойно обновить. Обновофилия – вполне естественная религия для людей, которые научились давить на свою дофаминовую кнопку нового опыта практически напрямую, то есть безо всякого нового опыта.

– Кароч, нам надо укрепить команду аналитиками. – Паша поднялся с дивана, давая понять, что разговор близится к концу. – Мы конечно не сможем конкурировать с этими роботами-работоторговцами, которые продают таргетированных людей целыми стадами. Но твоё направление укрепить можем: более чётко профайлить самих заказчиков. Хочу добавить тебе в поддержку одного перца.

– Ну давай.... А когда?

– После обеда придёт собеседоваться. Да ты не парься! – От Паши не укрылось, как нахмурился Егор. – Если не понравится, отфутболим. Главное, чтоб вы сработались.

###

Поскольку сам Егор попал на работу в агентство без собеседования, наблюдать чужое интервью было даже забавно. По крайней мере, первые десять минут. Потом стала крепнуть утренняя догадка: очень уж гладко отвечал этот долговязый очкарик на пашины вопросы. Математический факультет провинциального вуза, потом курсы дата-аналити-

ков в Москве, потом работа у телеком-оператора...

– А как вы думаете, «Наполеон» – это коньяк или пирожное? – спросил Паша.

– Не понял вопроса, – ответил очкарик.

Зато Егор прекрасно понял. По поводу этой сети кафе они с Пашей спорили как раз перед отпуском. Пока в городе открылось только два «Наполеона», но планировалось ещё три. Паша на этот раз решил самостоятельно блеснуть профайлингом. Он утверждал, что владелец сети – бывший бандит, и потому заведения свои будет позиционировать как современную версию «малины» – то есть пиджаки, переговоры и коньяк.

Егор же, полазав по соцсетям, пришёл к выводу, что самому бандиту, занятому теперь легальным строительным бизнесом, не особенно нужна сеть кафешек – а замутил он это предприятие ради молодой жены. Которая там и будет рулить, поскольку увлекается кулинарией. А это значит – расфуфыренные тёлочки а la «Секс в большом городе». То есть скорее пирожные и смузи, чем коньяк.

Для такой аудитории и её хозяйки хорошо подошла бы геолокационная игра в рецепты: выбирается блюдо со множеством необычных ингредиентов, каждому игроку надо добыть свой ингредиент на каком-нибудь дальнем рынке, а потом все подружки съезжаются в кафе и вместе готовят это блюдо. Стоит и детскую версию игры рассмотреть, потому что у дамочки своих двое.

Паша сомневался. И вот, значит, решил протестировать кандидата на этой задачке. Он не стал рассказывать очкарику об их споре, сообщил лишь общие вводные – имеется такая вот сеть кафе, её надо раскрутить; какую полезную аналитику можете выкопать?

Долговязый ничуть не смутился и тут же сообщил Паше, что средний чек в уже открывшихся «Наполеонах» составляет более двух тысяч рублей, а расположение в офисных кварталах однозначно говорит в пользу пиджаков и коньяка. Он добавил, что по счастливой случайности обладает и другими данными по этому кейсу: на прошлой работе в телекоме они предоставляли кое-какие аналитические услуги бизнесу, планирующему открытие новых заведений общественного питания. Ведь мобильники позволяют отслеживать динамику передвижения людей по городу, а также уровень их доходов, ну вы понимаете...

С этими словами очкарик развернул перед Пашей ноут с какой-то красивой картой и начал вещать о битве ресторанных сетей за горячие места в городе, пересыпая свою речь цифрами и всякими словечками типа «диаграмма Вороного». Паша смотрел на кандидата влюбленными глазами.

Да и хрен с ними. Егор потихоньку вытащил верёвку, опустил руки под стол и стал делать «поросёнка».

Новая Каледония. Даже название острова, где этнографы нашли эту фигуру, сразу уносит сознание далеко от всего

офисного занудства. За те дни, что Паша был на конференции, Егор основательно втянулся в изучение верёвочных игр – и заметил, что это искусство лучше всего развито на островах. Гавайи, Пасха, Новая Зеландия, Япония... А самые сложные фигуры – на маленьком атолле Науру в Микронезии.

Хотя некоторые считают, что у чукчей и эскимосов сложнее. На самом деле, они просто разные. Те, что с Науру – абстрактные сетчатые узоры, похожие на арабские ковры. Они требуют много времени, но всегда симметричны и основаны на повторах. А в арктических фигурах больше животных, их красота и сложность – в асимметрии: каждая рука делает свои движения. Может, это какое-то базовое отличие северного мозга от южного: в тёплой размеренной жизни тропиков счастливы те, у кого больше гармонии между полушариями, а на севере наоборот, преимущество у беспокойных шизоидов, которые рвутся переделывать мир...

Но даже на севере самая сложная фигура – «Кит и лиса» – найдена не на Чукотке и не на Аляске, а в море между ними, на острове Кинга. А самая большая индейская коллекция – на острове Ванкувер. Выходит, на островах есть что-то такое, что способствует развитию этого искусства. Или оно возникло в другом месте, а на островах просто сохранилось лучше из-за изоляции?

Кажется, нечто подобное озадачило в свое время Дарвина, когда он обнаружил, что экосистемы тропических островов

содержат избыточное разнообразие видов, словно эволюция там идёт не так, как на континентах. Тут и Эйнштейна можно подключить, с его формулой отношений пространства и времени. Остров – особое пространство, потому и время там идёт необычно.

Может, бросить свой застывший диссер по сетевой антропологии, да сделать вместо него другой рисёч, про эти самые верёвки? Глядишь, найдется и какой-нибудь «Бигль», который прямо сейчас снаряжается в Новую Каледонию...

– Горыныч, не засыпай! – Паша перебил его фантазии. – Скажи, что думаешь.

Егор перевел взгляд с верёвочного «поросенка» на экран, где очкарик вывел карту с кафешкой «Наполеон» и какими-то стрелочками вокруг.

– Я думаю, что Наполеон родился на острове и умер на острове. На Корсике, кажется. Это неспроста.

Паша сделал озадаченное лицо. А очкарик спокойно возразил:

– Нет, умер он на острове Святой Елены в 1821 году. А на Корсике родился. В 1769-м.

Может, он аутист? Среди них попадаются такие саванты с хорошей памятью, особенно на числа. Егору вдруг захотелось сбить уверенность с этого «аналитика».

– Я читал, что Наполеона сослали на остров Эльба, – сказал Егор. – Может, он всё-таки на Эльбе умер?

– Нет, он был там в ссылке. С 1814-го по 1815-го. А потом уже, после Ватерлоо, его отправили на Святую Елену.

Интересно, что у него даже глаза не особо движутся, заметил Егор. Обычно люди, когда вспоминают, хотя бы на миг стреляют глазами вверх или вбок. Очкарик же отвечал, глядя прямо на Егора. Надо ещё какую-нибудь чушь спороть и посмотреть.

– А мне казалось, что Ватерлоо было раньше, ещё в тысяча семьсот... Это ведь там его англичане разгромили... адмирал Нельсон, да?

– Вы путаете с битвой при Абукире. Она действительно была в 1798-м.

Ну вот опять. Очкарик даже не моргнул. Егор чувствовал: здесь что-то не так. К сожалению, Паша не дал больше экспериментировать.

– Всё-всё, давайте на этом закончим. Мы уже убедились, что Александр у нас прямо ходячая энциклопедия. Очень приятно было познакомиться, Александр! Мы тут еще посоветуемся и дадим вам ответ в течение недели, хорошо?

Все встали. Пожимая руку очкарику, Егор заметил, что рука у того вспотела. Да и улыбается он вовсе не как аутист. Нет, это больше похоже на радость студента, который удачно списал.

– Давайте я вас провожу, – предложил Егор.

– Я тоже с вами спущусь... схожу поем, – сказал Паша, поглядев на Егора с подозрением.

По пути через опенспейс Паша показывал Александру, где кто сидит, словно этого «аналитика» уже приняли на работу. У лифта все примолкли. Но как только вошли в кабинку и двери захлопнулись, Егор сказал:

– Да уж, все уроки истории из головы вылетели... А вы помните, где воевал Наполеон в 1767-м? Кажется, итальянский поход?

Вот теперь глазки забегали, с удовольствием отметил он. Очкарик бормотал:

– Дайте подумать... Мне тоже сразу не вспомнить...

Лифт остановился на первом этаже, а он так и не дал ответа. Когда двери стали открываться, Егор загородил проход и тут же нажал кнопку своего этажа, воскликнув:

– Ой, я забыл!

– Ты чего, Горыныч? – удивился Паша.

Двери закрылись.

– У нас на первом этаже сидит охранник Азамат, – сказал Егор трагическим голосом. – Он в Сирии служил, и после этого очень нервный. Если я сдам ему нашего кандидата, Азамат может случайно поломать вот эти дорогие очочки с нулевыми диоптриями.

Долговязый быстро снял свои дужки и спрятал в карман. Егор нажал красную кнопку, и уже поехавший лифт остановился между этажами.

– Ну рассказывай, ходячая энциклопедия. Коробка тут

стальная, мобильную связь экранирует отлично, как ты уже понял. Никто тебя не услышит. Либо к Азамату поедем.

– Это такой сервис, они помогают трудоустроиться... – пробормотал долговязый. – И поддержка на первые три месяца работы... Через очки подсказывают... Берут процент от оклада...

– Сколько народу в этом сервисе?

– Мне подсказывают трое. Но вообще там много... Они нанимают инвалидов всяких, которые... настоящие аналитики. Или спецы по поиску.

– Что будем делать? – Егор повернулся к Паше.

– Ну... видимо откажем. – Паша был шокирован не меньше, чем долговязый.

– Может, хоть очки отберём? – предложил Егор. – Я давно хотел узнать, как звук передается по костям. Если на колено надеть, будет слышно в ушах или нет? У кузнечиков, кстати сказать...

– Не надо, пожалуйста! – Долговязый схватился за карман. – Мне их под расписку выдали, у меня таких денег нет. Давайте я лучше скажу им, что я вам не подошёл, и чтобы к вам вообще никого не посылали!

На улице сыпал мелкий дождь, словно кто-то поплёвывал сквозь зубы с неба. Они постояли у входа, наблюдая, как неудавшийся кандидат в аналитики улепётывает через двор.

– Ладно, пошли похаваем, я угощаю, – сказал Паша. – Я

не собирался тебя заменять, честно. Но ты очень странный последнее время.

– Были проблемы на личном фронте. Теперь всё норм.

– Ну слава богу. А я уж думал, ты подсел на что-то в отпуске. У меня так было после Амстердама. Но я завязал, честно.

Пашино предположение о наркотиках вспомнилось дома вечером. Отпускная кожа, хоть и не особо загорелая, через неделю после возвращения стала активно слезать, и Егор решил хорошенько отмочить её. Пока лежал в ванне, увидел на полке с шампунями кусок коралла с Гавайев – и крикнул Ольге, что нашёл её секретный фетиш, с которым она предаётся воспоминаниям о море. А она ответила, что у неё просто потерялась пемза, но кораллом даже приятнее чесать пятки, сам попробуй.

Попробовал: ощущения и вправду забавные. И тут же заметил, что на большом пальце правой ноги до сих пор проступают несколько тёмно-синих точек.

Если Паша опять позовёт в сауну, можно ему показать, на что «подсел в отпуске». Честно, это же следы от игл. Убойная инъекция, чувак. По-гавайски называется «вана». Вызывает обалденную эйфорию и даже легкие галлюцинации. Правда, вначале боль адская.

Егор растянулся в тёплой воде и закрыл глаза, мысленно возвращаясь в тот день, когда он явно пожадничал, собирая ракушки на рифе после отлива. И хотя на ногах были шлё-

панцы, голые пальцы торчали наружу. Крупный и красивый «глаз Шивы», круглая дверка от ракушки-тюбана, белела на мелководье идеальной спиралью. Он не задумываясь шагнул к ней...

...и с размаху всадил ногу в морского ежа с длинными чёрными иглами. Бр-рр. Чуть сознание не потерял, и это было только начало. Иглы назад не вытаскивались. Местные сказали, что надо хорошенько поколотить и без того болезненное место стеклянной бутылкой от пива, а затем натирать половинкой лайма. Звучало дико, но помогло: удары раздробили известковые иглы в коже, а кислота растворила обломки. Всего через каких-нибудь пять часов нейротоксин тоже перестал действовать. А так – вполне себе изменённое состояние сознания, безо всякого Амстердама.

10. Черепаха на дороге

Надо было свалить из дома пораньше. Переключить её внимание и быстро уйти. Вместо этого он стал отвечать, а это было ошибкой.

Началось с мелкого комментария про мытье посуды, и уже тогда можно было заметить, как разлетаются крылья её ноздрей – хотя сама она ещё сдерживалась, но нос уже начал превращаться в хищную птицу.

Ну и завертелось: про разбросанные вещи, про неоплаченный счёт за свет. Чёрная дыра с обратной связью разрасталась, втягивая в разговор новый негатив. От упреков по мелкой бытовухе перешли к обобщениям – «ты никогда не убирал...». Стали вытаскивать примеры из прошлого – «а ты даже в отпуске не могла...». Когда Ольга начала говорить про его маму, он уже был в дверях, но всё равно ответил про её маму – и в него полетел тяжёлый томик Докинза, попавшийся ей под руку.

Через полчаса она позвонила в слезах: разбила машину. Врезалась в кого-то на Вернадке. Сидит теперь, ждет полицию. Егор, почти добравшийся до работы, поймал такси и поехал обратно, ругая себя за невнимательность. Тоже мне, этолог-бихеворист! По движению глаз он диагнозы ставит – а такую простую вещь, как ПМС, никак не запомнить! Даже

рекламные боты-шпионы уже вычисляют эти женские циклы, чтобы впаривать им больше товаров в те нервные дни, когда больше шансов спонтанного шоппинга. А ты до сих пор не научился. Ну, сам виноват. Если тебе можно вынести мозг, значит, он не закреплён болтами.

И какое тонкое издевательство над недавней теорией о том, что машины стирают различия полов! Размечтался. Отдача замучает от такого стирания. В древности бабы так не шизели. Замуж их выдавали рано, контрацепции не было, рожали каждые два года – поэтому и месячные нечасто видели, и не истерили с такой регулярностью. А теперь и сами бесятся, и мужиков вынуждают реагировать. Раньше культуру драйвил голод, теперь её драйвит ПМС.

Вон и Голливуд подсуетился. Что ни фильм теперь, то бой-баба в главной роли. Даже «Безумный Макс», этот бывший мачо-фильм, в новой версии выглядит так, словно кто-то переснял «Белое солнце пустыни», заменив товарища Сухова на Людмилу Гурченко.

А уж Интернет и подавно прогнулся под этот розовый невроз. Кто там врёт, что Интернет изобрели зелёные военные? Ага, щас. Сеть для военных – это чёткие командные цепочки с известным адресатом. Прямая синаптическая связь, нейрон с нейроном говорит. А нынешний Интернет – это совсем другое. Тут главный культ – открытые и массовые трансляции без конкретного адресата. Тот самый внесинаптический впрыск нейромодулятора, который так любят сто-

ронники «эмоционального интеллекта». Всепланетный мозг истерички.

Нужна какая-то напоминалка, подумал он, проезжая круглый павильон метро «Университет» со сломанными часами. Нужно ПМС-приложение в мобилу, причём именно для мужиков. И прямо в школе всех учить, что женских дней в году не один, а как минимум шестьдесят. А то школьный дневник всю жизнь помнишь – понедельник слева, четверг справа – зато такая важная вещь, как расписание истерик, постоянно из головы вылетает.

Современные календари вообще – тотальная победа мозговых червей. Никакой связи с настоящими человеческими потребностями. Все древние народы устраивали праздник в самое тёмное время года, как те гавайцы со своим Макалии. Нормальный такой лайфхак, чтоб не свихнуться. А что мы теперь делаем в эти депрессивные месяцы – ноябрь и декабрь? Да вкалываем больше всего в году. Наши формальные праздники – совсем в другое время.

Или вот месяц с его четвертью-неделей. Раньше понятно было: фазы Луны влияют на приливы, на животных, на психов и на женщин опять же. У кого был лунный календарь, тот всё это отслеживал. Но нынешние месяцы и недели никак с луной не связаны. Очередная абстракция, удобная только для офисных некрофилов с их тикетами, релизами и дедлайнами.

А ещё какие-то робокопы нарезали день и ночь на равные

части – и вот уже все мы прикручены к этой идиотской мерке «час», которая для биологической жизни не значит вообще ничего. Егор вспомнил, как во время работы над сайтом Центра онейрологии ему попалась неплохая статья о циклах сна. Он тогда сразу проверил на себе – и обнаружил, что работает: проснуться через семь с половиной часов гораздо легче, чем через восемь. Почему этому не учат в школе? Почему миллионы людей продолжают жить в механическом аду, когда будильник ставится на заданный час, а не за собственный цикл сна?

Так, ну выдохни уже. Кажется, ты сам немного истеришь. Заразно, да.

Ольгину белую «тойоту» он увидел издалека, она как бы возглавляла пробку, образованную позади неё на проспекте. Никто не пострадал, да и машины не сильно помялись. Гораздо больше неприятностей доставило Ольге само ожидание посреди проспекта с гудками недовольных, и последующее оформление документов неторопливыми сотрудниками ДПС. Она уже не бесилась, зато впала в меланхолию.

Егор взялся проводить её до работы, и по дороге к метро всячески старался развеселить. Он напомнил ей, как здорово она превращала свои прошлые неприятности в журнальные колонки (тактично умолчав о том, как ему не нравилось быть отрицательным героем её опусов), и предложил точно так же превратить в гонорар историю этого ДТП.

Ольга вяло согласилась, но тут же сказала, что времена таких колонок уходят. Толстых журналов больше нет, остались только толстые журналисты. А сама журналистика теперь – сливной бачок пиара. Большинство «мнений экспертов» поставляют в СМИ специальные агентства, которым бренды платят за упоминание себя любимых. Поэтому хрена с два ты напишешь собственные мысли про ДТП.

Теперь делается так: сначала журнал выбирает тему, используя какой-нибудь рейтинг популярных трендов, хештегов или поисковых запросов. Про аварию будут писать, только если с участием политика или актрисы. Потом редакция отсылает тему в то самое агентство. Агентство подгоняет комменты от пиарщиков автодиллера, или от страховой, или от других своих клиентов, связанных с автомобилями. А дальше ленивый и безграмотный журналист просто компилирует всё это левой ногой в один текст.

Егор возразил: остаётся же ещё искусство заголовка! Именно оно обеспечивает читаемость статьи в мобильном мире, где из сотни лидов в ленте человек кликает только в один. Значит, именно тут журналисту надо пошевелить мозгами, это же очень творческий минимализм, настоящая японская поэзия: яркий образ, обязательно с каким-то парадоксом, с контрастом. И всегда должен быть глагол, чтобы читателя аж до мышц пробило.

Скажем, «Черепашка на дороге остановила движение в столице». Ну, мы же можем сказать, что ты хотела спасти че-

репаху и слишком резко свернула. Или вспомним, что ты любишь бегать, это привлечёт всех ЗОЖников: «Спешившая на марафон блондинка парализовала конный транспорт Москвы». Нет, длинновато... Хороший заголовок – не более пяти слов.

Надо упаковать глаголы в существительные, подсказала Ольга. Вон на днях с Украины так и пёрли настоящие перлы: «Силовики разрушили убежище боевиков». Совершенно непонятно, кто с кем воюет, зато в каждом слове – экшен.

И это правильно, согласился Егор. Хватит делить людей по размытым национальностям или абстрактным должностям! Лучше различать их по актуальному, чисто научному параметру: по формам движения. «Маховики разогнали демонстрацию прыговиков». «Марафонщица устроила пробку колёсным сидельщикам».

Они поиграли ещё в смешные заголовки, и Ольга как будто развеялась. Хотя сказала, что даже этот креатив в нынешних СМИ сильно завязан на популярные шаблоны-тизеры, которые диктуются обменными сетями и прочими вентиляторами. Поэтому ничего своего журналист не напишет даже в заголовке. Будет что-то типа «10 способов быстро уехать с места ДТП». Ну или так: «Найдена главная причина пробок: это...».

Тогда Егор заявил, что можно раздуть конспирологическую версию – пусть не для твоего журнала, тогда для моего детективного сериала – так вот, представь, они расследу-

ют череду мелких ДТП, которые стали подозрительно часто блокировать городской трафик. И выходят на секретную организацию «Юристы без границ». Оказывается, члены этой организации специально провоцируют пробки, подставляя свои тачки... зачем? А у них есть богатый и тайный заказчик, они и сами его не знают – но мы постепенно понимаем, что это злобный «Гугл», он хочет дискредитировать сервис «Яндекс.Пробки» и пересадить всех на свои навигаторы, которые якобы гораздо лучше предсказывают оптимальные маршруты.

– И снимать при финансовой поддержке «Яндекса», – поддержала Ольга.

– Можно ещё производителей самокатов в спонсоры взять. Хотя зачем мелочиться? Уговорю Пашу завтра же пойти в «Тойоту». Предложим им мобильное приложение «Гонки на пробках». Простая игра: выехать из пробки альтернативными путями за минимальное время. Выбираешь пункт назначения, расшариваешь челендж по участникам своей пробки – и понеслась. Приложение максимально тупое, популярность гарантирована. А раскручивать будем знаешь как? Запустим вирусняк, фейковый рекламный ролик про новую модель Toyota Crashe. В главной роли будет твоя разбитая белочка. Ну и текст в духе того, что реальные пацаны не облизывают свою тачилу и не истерят от каждой царапины – они сразу выбирают модель, которая выглядит так, будто побывала в крутой переделке. Типа, шрамы украшают не

только мужчину, но и его лошадь. Вставим туда нарезку из «Крэша» Кроненберга...

В метро навалилась толпа, и Ольга опять приуныла. Граждане, не избалованные личным транспортом, догонялись суррогатными эмоциями через наушники; даже когда поезд останавливался, многие из них продолжали качаться, как обдолбанные. Другие держали перед собой смартфоны и быстро-быстро перебирали большими пальцами, словно соревновались – кто лучше изобразит краба на кормёжке. Вроде у каждого свой ритм, но движения настолько схожие, что кажется, вот сейчас кто-то нажмёт особую кнопку, и все они синхронизируются – и качающиеся меломаны, и скроллящие крабоголики – все задвигаются в одном согласованном механическом танце.

Где-то мы уже видели такую кнопку... Егор закрыл глаза. Да, на одном из тех островов, что совершенно непохожи на этот город – там вокруг столько жизни, солнца и свободы, никаких унылых рож. Оттого оно и действует там особенно сильно, по контрасту. Шумная субботняя улица-рынок, где готовят вкуснейшую еду из любых морских тварей, где продают самые цветастые платья и самые невероятные гаджеты – всё это вдруг замирает под звуки из репродуктора на столбе. Все люди одновременно перестают двигаться и говорить, и даже собаки останавливаются с поднятыми мордами. Совершенно сюрреалистическое ощущение, точно попал в за-

висшую Матрицу. Длится оно недолго, около минуты – и вот уже музыка со столбов затихла, и все опять пошли, и стали зазывать покупателей, и торговаться, и смеяться, как ни в чём не бывало. Ты приходишь в себя и наконец понимаешь, что это было. Каждый день в восемь утра и в шесть вечера по радио передают национальный гимн Таиланда.

Он открыл глаза. Над головой, на длинном металлическом поручне, висели чужие руки с часами и браслетами. В основном правые. Егор стряхнул с запястья верёвку и вспомнил, что так и не рассказал Ольге про свое увлечение. Но вместо того, чтобы кричать сквозь грохот вагонов, он просто показал ей «Собаку с большими ушами» – и она улыбнулась, словно всё поняла без слов. Он предложил поиграть вдвоем, ему давно хотелось попрактиковаться в Cat's Cradle. Одиночные фигуры он легко разучивал самостоятельно, но в этой игре нужен партнер, и, хотя он запомнил все движения из ролика, но так ни разу и не играл.

Он сделал первую фигуру и сказал Ольге взять кресты, но она не поняла, какие. Пришлось положить верёвку на колени и показать, а потом начать сначала. Так они дошли до «кошачьего глаза», но тут Ольга опустила руки и шепнула:

– На меня какой-то чучмек пялится, заколебал уже. Кажется, это он меня толкнул, когда мы в вагон заходили.

Егор хотел ответить, что в метро он и сам всегда рассматривает девушек, выбирая в вагоне самую симпатичную. Но

нет, пожалуй, не время для таких шуток. Он посмотрел в ту часть вагона, куда косилась Ольга: два мужика восточной наружности действительно пялились на них. Поймав взгляд Егора, один из азиатов, низкий и широкоплечий, вдруг пошёл прямо на него. Егор напрягся, но тут заметил, что квадратного азиата интересует вовсе не Ольга и не он сам. Мужик во все глаза смотрел на верёвку в руках Егора.

– У нас на улице... – прохрипел мужик, сверкнув золотым зубом. – В банду не брали, кто не умел... Ты из Ташкента, брат?

Было в его вопрос что-то такое, отчего не хотелось отвечать «нет». Егор молча протянул к нему руки с «колыбелью». Азиат неуверенно подцепил кресты и сделал «кровать». Егор тут же сделал «свечки», мужик в ответ сделал «ясли». Поезд начал тормозить, подъезжая к станции, но они продолжали играть, увеличивая скорость.

Наконец азиат сделал неловкое движение на «песочных часах», и верёвка соскочила у него с пальцев. Рассмеявшись золотозубым ртом, он крикнул что-то своему спутнику на непонятном языке, а потом протянул руку Егору. Как раз в тот момент, когда Егор пожимал эту крепкую руку, поезд дёрнулся и остановился. Мужика качнуло на Егора, их головы оказались рядом, и мужик шепнул:

– Брат, скажи подруге, чтоб сумку закрывала.

Что-то холодное скользнуло в рукав куртки. Егор отогнул край рукава и увидел там мобильник Ольги со знакомой ро-

зовой наклейкой. Когда он поднял глаза, тех двоих уже не было. Двери вагона с грохотом захлопнулись.

– Ты их знаешь? – спросила Ольга.

– Да вроде нет.

Про расстёгнутую сумку он сказал ей на следующей остановке. После того, как незаметно вернул туда почти украденный айфон.

11. Гадкий утёнок

Случай с неудачным кандидатом-аналитиком сильно подействовал на Пашу. Если раньше гендир приглашал Егора консультировать уже согласованные проекты, то после эффектного разоблачения в лифте стал таскать его с собой и на те встречи, которые больше напоминали первое знакомство с клиентом.

С одной стороны, это выглядело как карьерный рост. Но с другой, Егор лишь теперь по достоинству оценил халяву своего бывшего положения, когда он приходил на работу без особой спешки, и забравшись в свой угол офиса, спокойно занимался верёвочной этнографией.

Он уже знал, что детские игры вроде «колыбели» – лишь нулевой уровень, дальше которого прошли немногие исследователи. Но те, что прошли, оставляли очень любопытные наблюдения. Народы севера использовали верёвочные игры, чтобы не потерять ясный ум и сноровку в зимнее время – иначе, когда ты полгода сидишь под снегом, легко свихнуться. Гавайцы с помощью верёвки обучали молодежь навигации по звёздам: Орион у них назывался «верёвочным пауком», а небесный экватор – «путь паука». На острове Пасхи верёвочные песни были связаны с местными иероглифами ронгоронго, и возможно, являлись прообразом этой зага-

дочной письменности. Американские индейцы тоже применяли верёвочные истории как мнемоническую технику для передачи знаний, а на некоторых фигурах даже предсказывали будущее.

По сути, это мелкомоторное искусство воздействовало на мозги не менее чудесно, чем музыка. Но о том, что занятия музыкой способствуют развитию всяческих способностей, написаны целые шкафы научных работ и популярных книг, взять хоть прекрасную «Музыкафилию» Оливера Сакса. А про верёвочные игры никто таких исследований не делал.

Однако теперь и Егору стало сложно заниматься такими вещами – приходилось всё чаще сидеть в пашином «форде», поддерживая рабочие беседы. А потенциальные клиенты как будто сговорились размещать офисы в самых дальних концах города.

Впрочем, ты же сам мечтал об этнографической экспедиции, говорил ехидный внутренний голос. Вот и наколдовал себе, радуйся, почти каждый день поездки. И люди попадают необычные, в этом тоже есть своя логика: маргиналы активнее используют Интернет, а потому интересуются небанальными услугами вашего агентства.

Вон, буквально вчера ездили к владельцу магазина сантехники, который запатентовал «персональный портативный утилизатор». Этот мужик утверждает, что в ресторанах Сингапура туалеты уже применяются для составления «пи-

щевых портретов» клиентов – ведь именно в туалете посетители оставляют то, что издавна используется в больницах для анализа состояния человеческого организма. А теперь лаборатория для таких анализов умещается в один чип и работает автоматически внутри унитаза. Кто плохо переваривает лактозу, кто может выпить много алкоголя, а кому не стоит предлагать сладкого – всё можно узнать. Но когда эта практика распространится повсеместно, многие не захотят разбрасываться своими персональными биоданными. Защищаться от чужих унитазов-шпионов помогут личные портативные утилизаторы, считает визионер из Бирюлёво. Правда, торгует он пока обычной итальянской сантехникой, но смотрит в будущее с оптимизмом.

Конечно, гораздо приятнее общаться с такими инноваторами в чате, чем торчать в пробках. Однако Паша теперь был уверен: именно на живых встречах Егор может разглядеть в клиенте то, чего не показывает сетевой профайлинг.

– С виду такая милая тётка, – рассказывал Паша, съезжая с МКАДа на Ленинградку. – Но я бы ей флешку в рот не положил! Спросила, насколько мы можем поднять продажи роботов-пылесосов. А мы с Андрюхой как-то без подготовки. Там мероприятие было вообще на другую тему, и уже фуршет начался. Ну и Андрюха по глупости показал ей старый мем про пылесос. Знаешь, такой баннер «Сосу за копейки»?

– Угу.

– Между прочим, твоя вина. Кто две недели назад на

встрече с клиентом задал вопрос про жопу? Андрюха как раз вышел к нам на работу. У него после твоего успеха – полный разрыв картона. По ходу, он решил, что мы так всегда презентуем...

– И что она ответила?

– Спокойно так сказала, что сейчас все сосут за копейки. Ну, мы поулыбались. Типа, обменялись шутками, и ладно. Так нет, она нам целую лекцию прочла о том, что в XVIII веке минет стоил дорого, потому что религия его запрещала, а в конце XX века он резко подешевел, потому что таким способом не заразишься СПИДом.

– Заразиться-то можно. Кроме того, в ближайшее время цена наверняка вырастет по вине стоматологов. Видал, сколько вокруг девушек в брекетах? Это значит, что тысячи парней лишены нормального орального секса.

– Вот нам как раз тебя не хватало, чтобы так отвечать. Стояли как оплёванные. А она ещё с такой издевкой, типа, как же вы рекламу продаете, если не разбираетесь в ценообразовании на рынке минета...

«Курица-наседка». В классификации Егора эта категория появилась одной из последних. Хотя он давно заметил, что среди всех его «дятлов», «лысых орлов» и «соловьёв» не хватает женского типажа. Но девушки, представлявшие большинство компаний, чаще всего были молодыми пиарщицами, которые вполне вписывались в категорию «волоклуй».

Однако случались и другие, постарше и пожестче. Название для них Егор придумал после того, как Ольга рассказала ему про скандальный диплом своей сокурсницы на журфаке.

То был редкий случай настоящей научной работы в «институте благородных девиц», где наиболее важным жизненным вопросом является выбор юбки и туфель, а не какой-то там диплом, который можно сделать за неделю путем копирования двух-трёх других дипломов из Интернета. Само местоположение факультета журналистики (не с какими-то ботанами на далёких Воробьёвых горах, а прямо в центре, напротив Кремля) однозначно говорило о том, что демонстрация красивых ног здесь выгоднее, чем демонстрация ума. Но принципиальная сокурсница Ольги решила соригинальничать. Посвятив диплом известному медиа-деятелю Антону Носику, она не стала повторять общие дифирамбы «отцу Рунета», а вместо этого нарисовала схемы отношений в его стартапах.

И выявила интересный паттерн. Когда компания только встает на ноги и бьётся за выход на рынок, ею управляет мужчина; но если бизнес стабилизировался, основатель оставляет на хозяйстве женщину – не случайную, конечно, а проверенную – и идёт строить новые стартапы. Зато внутри каждого устаканившегося бизнеса гаремный принцип инвертируется: «курица-наседка» предпочитает иметь в сотрудниках послушных мальчиков.

За диплом девушке поставили тройку, обвинив автора в

неэтичности. Обычное дело: настоящая наука всегда обгоняет своё время. А может, место неудачное. На этнографических кафедрах вполне прокатывали исследования типа «Интимное мздоимство у караимов». Но тут ведь журфак, тонкие материи, Кремль через дорогу, намёки на полигамию ни к чему... Зато Егор вполне оценил этот образец новейшей антропологии – стало понятно, откуда берутся те деловые курицы, что частенько оказываются в руководителях, хотя не блещут боевым задором отцов-основателей.

Свернув с Ленинградки, пашин «форд» стал петлять в странном районе, где каждое новое офисное здание со стеклянными стенами, похожее на хрустальный гроб, прятало позади себя пару обветшалых советских домов с маленькими тёмными окошками. К счастью, на этот раз им не пришлось проходить железные турникеты, сдавать охране паспортные данные, подниматься по длинным лестницам или спускаться в сырые подвалы, как бывало при посещении офисов других клиентов. Здесь вход был виден издалека: у двери магазина стоял киношный робот-трансформер высотой до второго этажа. Подойдя ближе, они заметили пару танцующих роботов в витрине. Ещё один робот, похожий на электрочайник с головой, встретил их на стойке у кассы.

– Это магазин из моих влажных детских снов! – воскликнул Паша.

– Здравствуйте, Павел и Егор, – сказал робот-чайник. –

Ваша встреча назначена на 15:00, осталось шесть минут.

Из-за стойки вышел юноша с дежурной улыбкой. На фоне роботов он казался излишне вытянутым и хрупким, словно морской конёк.

– Здравствуйте. К сожалению, наш электронный администратор ошибается. Грейс ещё не вернулась с внешней встречи, такие пробки сегодня... Вас не затруднит подождать полчаса? Может быть, чаю?

Они выпили чаю, разглядывая товары на полках магазина. Сошлись на том, что робособакам не хватает шерсти. А вот простенький футляр для превращения мобильного в вибробота – это гениально.

Потом вытянутый юноша дал им планшет, с которого можно управлять танцующими роботами в витрине. Они поиграли. Паша попросил дать ему порулить трансформером у входа, но юноша сказал, что этот экспонат на ремонте. Они выпили ещё чаю, и Егор спросил, где туалет. Ага, до конца коридора.

– Кто первый, тому кабинка! – крикнул Паша, юркнув за дверь.

Егор прошёл к писсуарам. Позади донеслось какое-то жужжание.

– Горыныч, иди-ка посмотри. Тут прям фильм ужасов...

Паша стоял в дверях кабинки. Внутри весь пол был засыпан бумажным снегом, а у самого унитаза, в куче размотанной туалетной бумаги, что-то шевелилось. Вдруг из этой бе-

лой кучи выехало нечто чёрное и круглое, и Егор с Пашей произвольно отпрянули. Разметая бумажные обрывки, робот-пылесос потыкался в стену, в унитаз, и вернулся в бумажную кучу.

– У него там гнездо, – прошептал Егор.

Паша сделал круглые глаза и на цыпочках пошёл к дальнему писсуару.

Вернувшись в магазин, они некоторое время сидели молча.

– Ты думаешь о том же, что и я? – спросил наконец Паша.

– Само собой. О высоких моральных принципах.

– Чиво?

– Ну, мы станем продвигать роботов, а потом один из них кому-нибудь ногу отрежет...

– Да-да, и я про то! – Паша кивнул. – Мы изучаем клиентов, их аудиторию, но никогда не изучаем качество товаров! А между прочим, сейчас многие компании заставляют SMMщиков разруливать негатив. Мы тоже пару раз нарывались. Кому-то творожок прокисший продали, у кого-то аккаунт на сайте угнали... Люди ругаются в соцсетях, а клиент требует, чтобы мы на все эти посты отвечали, будто мы ему – круглосуточный саппорт. А бывают и похуже кейсы. Простой зимой пришла ко мне одна шарашка. Хотели раскрутить свои генетические тесты. Бабла – завалились. Я даже пожалел, что у нас с ними не срослось из-за каких-то фор-

мальностей. И вдруг недавно читаю в новостях – уголовное дело! Они, оказывается, никакого анализа ДНК не проводили вообще. Все присланные пробирки просто выбрасывали. А фейковые «результаты тестов» сочиняли на основе персональных данных, натыренных из профилей клиентов в соцсетях. Типа, «внешность восточно-европейская, склонность к вербальной креативности высокая» и так далее по пунктам. Прикинь, мы бы попали как соучастники! Если б нам заранее знать хотя бы такие инсайды, как этот косяк пылесоса с бумагой, мы бы с таких клиентов больше денег драли. Либо сразу посылали их подальше, чтоб под суд не попасть.

Паша вынул планшет и стал что-то быстро набирать, словно уже отбивался от исков граждан, травмированных коварными пылесосами.

А ведь они могут победить даже с косяками, подумал Егор. Всё та же эволюция, хотя и не биологическая уже. Война технологий за людей. Взять кирпич. Древняя технология, которая однажды победила. Из прямоугольных кирпичей делают прямоугольные стены, прямоугольные дома, города. Вообще куча угловатых вещей вокруг. Люди бьются об эти углы, но ничего, приспособились. Даже модно стало обдирать штукатурку, под которой раньше прятали кирпичные стены, а теперь прямо напоказ выставляют эти красные кубики...

Но потом приходит круглый роботпылесос, которому

неудобно из углов пыль доставать. Конечно, разработчики стараются, выдвижные щёточки придумывают. Но если таких роботов станет много, они могут победить кирпичную прямоугольность, и дома станут делать без углов. Где же это было, в Турции? – экскурсовод рассказывал около церкви со скругленными углами – мол, специально так строили, чтобы пьяные и слепые, идущие по стеночке, не падали на углах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.